

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЬЕ НОРЕК

МЕРТВАЯ ВОДА

РОМАН

Напряженная интрига, сложные персонажи, мрачная атмосфера...
Оливье Норек вновь утверждается как мастер жанра нуар.

Абель Местр. Le Monde

Оливье Норек

Мертвая вода

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65364187
Мертвая вода: Азбука; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19782-4

Аннотация

Оливье Норек – писатель, сценарист, восходящая звезда французского детективного жанра и, между прочим, капитан полиции, уже обрел немало поклонников. Его социальный триллер «Мертвая вода» завоевал несколько престижных литературных премий: *Prix Babelio*, *Prix Relay des voyageurs lecteurs*, *Prix Maisons de la presse* и др.

Во время задержания наркодилера капитан парижской полиции Ноэми Шастен получает пулю в лицо. Жизнь, любовь, карьера – все катится к чертям, ну а дальше «неприглядного» служащего и вовсе отсылают с глаз долой – за семьсот километров от Парижа, в деревеньку на берегу озера Авалон, в самую глушь, где никогда ничего не происходит. Ноэми предстоит изучить обстановку и принять решение о ликвидации полицейского отделения. Однако ситуация резко меняется, когда после шторма деревенский рыбак вытаскивает из озера небольшую пластиковую бочку с ужасным содержимым. Эксперты приходят к выводу, что

найденные в бочке кости принадлежат ребенку. След ведет в прошлое, к событиям, происходившим четверть века назад, когда при пуске гидростанции старая деревня была затоплена. Именно тогда пропали трое детей – Алекс, Сирил и Эльза. Возможно, жуткая находка связана с кем-то из пропавших. Но если так, то что же случилось много лет назад и где еще двое пропавших?..

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Прямо в лицо	9
1	9
2	12
3	14
4	18
5	20
6	23
7	28
8	31
9	39
10	43
11	47
12	53
13	56
14	62
15	67
Часть вторая. Прямо в глушь	69
16	69
17	78
18	92
19	95
20	99

21	104
22	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Оливье Норек

Мертвая вода

Olivier Norek
SURFACE

Copyright © Éditions Michel Lafon 2019

© М. И. Брусовани, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Бабетте, Янну, Коринне, Джейми
и Стефану.*

Раненым, возродившимся, живым

Амандине¹, деве вод

¹ Амандина (1981–2018) была водолазом речной полиции Парижа. (Примеч. автора.)

Пролог

Автомобиль на полной скорости мчался по парижским улицам, а двое парней на заднем сиденье остервенело пытались заставить ее выпустить из рук оружие. Повсюду кровь. Слишком много крови. И это лицо... О господи, это лицо! Точно из мясорубки... То тут, то там проступившие наружу, изрезанные сосуды, больше никуда не ведущие и непрерывно фонтанирующие красным. И эта изодранная почти в клочья и застывшая в гримасе боли правая щека.

– Вашу мать, я не хочу словить шальную пулю! – проорал водитель. – Да отнимите же у нее ствол!

Они проскочили на красный. Неизвестно откуда вылетевшая на перекресток легковушка не успела затормозить и под отчаянный визг покрышек снесла им правое крыло.

Двое на заднем сиденье еще яростнее ухватились за ее пальцы. Пытаясь разогнуть их, разжать. Тщетно. Сведенная судорогой ладонь стискивала рукоять пистолета. На каждом повороте и при малейшем толчке лежащий на спусковом крючке палец угрожал выпустить девятимиллиметровую пулю в свободный полет.

– Невозможно, она будто каменная!

Вцепившись в руль, водитель попеременно то следил за потоком машин на улице, то бросал взгляд на творившийся у него за спиной бардак. Избежать столкновения. Не дать

продырявить свою шкуру.

– У нее судорога. Отогните ей большой палец!

Первый крепко ухватился за ствол пистолета, второй с такой силой дернул за большой палец, что вывихнул его.

Оружие наконец упало и звякнуло об пол.

Это был шквал боли и ужаса, но она не сводила с них взгляда. Парализованная, но остающаяся в сознании. Ее левый глаз был устремлен на них, а правый залит кровью.

В салоне автомобиля восстановилось спокойствие, и трое санитаров вновь сосредоточились на своем задании.

Спасти полицейского.

Часть первая. Прямо в лицо

1

На 16 минут раньше

5:59. Полицейские в штатском ждали перед дверью квартиры 22 на плохо освещенном третьем этаже какой-то развалюхи в предместье. По закону задержание разрешается с шести часов утра. Минутой раньше – и несоблюдение правил может завалить все расследование. На всякий случай члены бригады по борьбе с оборотом наркотиков приготовили винтовку и электрошокеры. На лестничной площадке установили опоры штурмового гидравлического тарана, способного разнести дверь на куски. С каждой секундой тревожное возбуждение нарастало. Стояла гнетущая тишина, которую нарушали только вызванные нетерпеливыми движениями случайные шорохи.

Они проверяли боеприпасы. Поплотнее затягивали ляжки пуленепробиваемых жилетов. Мысленно освежали в памяти план проникновения и распечатанный накануне чертеж этого социального жилья. Коридор, гостиная, слева спальня, справа кухня. Ванная комната в глубине квартиры. Четыре окна. По словам консьержки, собаки нет.

5:59. Последние недели довели фликов до изнеможения.

Гнусный отморозок Сохан мешал кокс с героином, что подсаживало клиентов с первой же дозы. Руки Сохана были обагрены кровью многочисленных конкурентов. Этого вооруженного до зубов дилера непременно следовало завалить. Для общей пользы. Убрать отбросы, как это делают мусорщики.

5:59. Через минуту начнутся грохот и крики. Извержение жестокости и адреналина. Сохан так просто не дастся, это понимали все.

5:59. Глаз тайфуна. Невероятное спокойствие.

Капитан Ноэми Шастен заняла позицию на первой линии. Как всегда. Командир группы – это не пустой звук.

5:59 и 58 секунд. Она сжала пистолет в потных ладонях.

6:00. На гидравлический таран подали давление в десять бар. Дверное полотно робко хрустнуло и тут же разлетелось на куски. Перед ними был коридор, черный, как бездна или дурной сон. Проникнув в квартиру, Ноэми нащупала выключатель и нажала на него пальцем. Лампочка загорелась и сразу лопнула. Какое-то мгновение, прежде чем помещение вновь погрузилось в темноту, нить накала еще светилась.

Ноэми бросилась в сторону спальни. Закрепленный на стволе ее оружия фонарик выхватил из мрака очертания квартиры. Коридор узкий: двоим рядом не пройти. Возбужденная присутствием выстроившейся цепочкой у нее за спиной команды, уверенная в своей непобедимости, поскольку у нее на плече лежала рука Адриэля, которому она доверя-

ла, да попросту ее мужчины уже два года, – она двинулась вперед.

Удар ногой в дверь спальни. И одновременно яркая вспышка. Теперь Ноэми уже ничего не видела, даже стоящего в кровати на коленях совершенно голого наркоторговца, который выстрелил ей в лицо из охотничьего ружья.

Обжигающая волна, едкий запах пороха. В глазах, в носу, во рту – даже в глубине горла.

Ноэми отбросило назад. Она ударилась о стену спальни; как сломанная тряпичная кукла, рухнула на пол, ничего не чувствуя. А потом закричала от боли. Она прикоснулась к лицу. Одно развороченное мясо. Липкая жижа. Рассудок нашел спасение в полной отключке. Ладонь, словно тиски, сжалась на рукояти пистолета. То, что произошло потом, она уже не осознавала. Дважды выстрелил Адриэль. Попадание в левое плечо. Попадание в правое плечо. А затем задержание Сохана. Перекрикивая шум, новобранец, только что пополнивший их команду, почти рыдал в рацию: «Офицер ранен! Офицер ранен!» И этот истошный крик выдавал его испуг. Он только что осознал, что флики умирают не только в кино.

А Адриэль, теперь стоящий на коленях рядом с командиром, осторожно приподнимал ее, чтобы взять на руки:

– Ноэми! Ноэми, твою ж мать! Не уходи, останься со мной!

2

В бесконечных коридорах военного госпиталя Перси каталка стукнулась о двойные двери, распахнув их, словно порыв урагана. Старшая медсестра на бегу торопливо докладывала дежурному врачу:

– Это полицейский.

– Самоубийство? – привычный ко всему, спросил доктор.

– Нет. Утренняя полицейская операция. Огнестрельное ранение. В челюсть, в глаз, в нос и волосистую часть головы.

Она только раз бросила взгляд на лицо Ноэми и старалась больше в ту сторону не смотреть. В спешке и постоянно сменяющихся картинах коридоров, в неоновом свете и крови, доктор и сам не понял, что увидел. А потому довольствовался описанием медсестры.

– Собирайте людей! Мне нужен анестезиолог, офтальмолог, травматолог, челюстно-лицевой хирург, две бригады медсестер и свободный оперблок.

* * *

Бригада Ноэми по борьбе с оборотом наркотиков в полном составе столпилась в зале ожидания, никто не отважился указать им на то, что здесь не курят.

Адриэль сидел, прижав ладони к лицу и низко опустив го-

лову, которую поднимал при малейшем скрипе двери. Новобранец Жонатан, прикуривая сигареты одну от другой, разговаривал по телефону с женой и старался, чтобы его речь выжившего звучала успокаивающе. «Я в порядке». «Позови детей». «Я в порядке». «Я в порядке». Хлоя тихонько плакала, утирая слезы рукавом розового свитера с принтом «U.P.D. Unicorn Police Department».

Медленно тянулось утро. Потом день. И солнце склонилось к закату.

Приходили другие полицейские из разных отделов. Коллеги, друзья, свои, сотрудники других управлений. В зале ожидания набиралось от четырех до тридцати посетителей, и все были на нервах.

Хирургам госпиталя Перси, специализирующегося на лицевых травмах солдат, а заодно и фликов, раненных при исполнении задания, пришлось работать вахтенным методом, сменяя друг друга. Ведь операция по спасению продолжалась семь часов тридцать минут.

3

Послеоперационный консилиум. Военный госпиталь Перси

– В 6:37, по «скорой», – ответил хирург на вопрос главного врача госпиталя.

– Дальше.

Хирург продолжил, вводя в курс сегодняшнего беспокойного утра интернов, сидящих в обширном застекленном помещении вокруг стола, который занимал почти все пространство. Он перешел к подробностям:

– Огнестрельное ранение в лицо. Вливание физраствора и болеутоляющей сыворотки. В пути интубация силами бригады «скорой». Жизненные функции удалось стабилизировать, когда ее поместили в противошоковую палату. Затем мы отследили объем поражения при помощи компьютерной томографии. Иммуногистохимическое исследование не делали, при наличии дроби это было бы безумием.

– А где у нее дробь?

– Да практически везде. В языке, в подбородке, в челюсти, во лбу и правой щеке, которая почти целиком разворочена выстрелом. Щеку мы пришили: хорошо поработали, но у больной навсегда останется полукруглый рубец диаметром двадцать сантиметров.

– Давненько у нас не бывало таких захватывающих междисциплинарных операций, – подытожил главврач. – Перей-

дем к подробностям. Череп?

При помощи пульта хирург включил прикрепленный к стене экран и продолжил отчет, иллюстрируя его рентгеновскими снимками и сканами компьютерной томографии.

– Череп не поврежден, но справа частично обгорела кожа волосистой части головы, и я понятия не имею, будут ли там расти волосы и как. В любом случае перед операцией мы все побрили, так что скоро узнаем.

– Ухо и слуховой проход?

– Seriously раздражена барабанная перепонка. Возможна временная гипоакузия², но не обязательно.

– А что с глазом?

– Субконъюнктивальное³ кровотечение, прекращенное. На несколько недель обеспечена гематома в периорбитальной области⁴. Просто наполненный кровью страшный глаз, однако ничего тревожащего по части зрения.

– Нос?

– Сломан. Прооперирован.

– Челюсть?

– Перелом восходящей ветви правой стороны нижней челюсти. Нам пришлось привинтить три стальные пластины.

² Гипоакузия – снижение слуха. (Здесь и далее примеч. переводчика, кроме специально отмеченных случаев.)

³ Кровоизлияние под конъюнктиву, образуется, когда под ней лопаются сосуды или сосуды.

⁴ Периорбитальная область – зона лица вокруг глаз.

Заговорит она не скоро. В течение восьми или десяти дней питание через зонд, затем три недели протертая пища и желированная вода.

– Похоже, она была на волоске...

– Да, на пять сантиметров левее, и ей бы снесло все лицо.

Но и теперь зрелище будет не из приятных. Кроме шестидесяти швов, которые мы наложили, чтобы прикрепить щеку на место, свой след оставит каждая дробинка. Но как бы то ни было, с хирургической точки зрения работа отличная.

Теперь взгляды всех присутствующих обратились к психиатру.

– Это отвлечет вас от ваших солдат, Мельхиор, – пошутил главврач.

– Не совсем, – холодно парировал специалист. – Раненная в ходе операции. Боевой полицейский. Она ничем не отличается от моих солдат. Если никто не возражает, мне бы хотелось курить этого пациента.

Мельхиор четыре дня назад вернулся из командировки в долину иракского Евфрата, где сопровождал французские отряды группы «Ваграм»⁵, и приступил к работе в военном госпитале Перси, где, пытаясь адаптироваться, изнывал от скуки у себя в кабинете. Случай Ноэми Шастен пробудил его от спячки. Возвышаясь над собравшимися на целую голову, увенчанную зачесанной назад седой шевелюрой, и с высоты

⁵ Целевая группа «Wagram» – специальное подразделение союзников, фактически группа мобильной артиллерии.

своего шестого десятка он заговорил с присущей ему уверенностью:

– Я готов заняться ею незамедлительно, параллельно с послеоперационным уходом и реабилитацией. Чем раньше я начну разговаривать с ней, тем успешнее удастся определить психические нарушения. В данном случае в одном человеке у меня несколько пациентов. Флик, который рискует никогда не вернуться на службу. Женщина, которую пугает мысль о том, что она перестала быть привлекательной. Взрослый человек, которому предстоит обнаружить лицо незнакомки и жить с ним. И девочка, которая наверняка умирает от страха. Прежде чем пытаться заняться восстановлением, ее придется подготовить. Но только не лгать ей. Когда я смогу ее увидеть?

– После компьютерной томографии глазного дна, необходимой для того, чтобы исключить присутствие остаточного инородного тела, и восстановления челюстно-лицевой зоны, если вы хотите, чтобы она отвечала вам, – заверил его хирург.

– Мне не нужно, чтобы она говорила со мной. У меня и так есть что ей сказать, – закончил разговор Мельхиор, хлопнув блокнот.

4

Когда она открыла глаза, яркий свет неоновой лампы под потолком обжег ей сетчатку, точно выстрел. В мозгу образовалась связь с последним событием, и Сохан снова выстрелил в нее. Тело молодой женщины выгнулось, сердце бешено заколотилось, а кардиограмма словно взбесилась, спровоцировав смятение приборов, и те тревожными сигналами вызвали стремительное вторжение медсестер.

С их появлением все полицейские поднялись со своих мест.

Когда свет в палате погас, Ноэми успокоилась, снова закрыла глаза и погрузилась в медикаментозный сон, которому способствовали остатки анестезии.

– Вы не можете сейчас повидать ее, – сказала Адриэлю медсестра. – У нее все в порядке, но ей нужно время.

* * *

В следующий раз Ноэми пробудилась среди ночи. В темноте было спокойнее. Она пощупала одеяло: немного шершавое. Прикоснулась пальцами к простыне: помягче. В приоткрытое окно заметила черноту неба, затем разглядела расплывчатые из-за залившей глаз крови контуры палаты. Она подняла правую руку, увидела большой палец в лубке и

вспомнила санитаров «скорой помощи» и как испуганно они кричали, пока везли ее в госпиталь. Она приложила здоровую руку к лицу и не ощутила своей кожи. Всю правую сторону покрывали бинты и компрессы. И все же Ноэми наконец улыбнулась, ведь в какой-то миг ей показалось, что она уже никогда не откроет глаза. Она почувствовала себя живой, вправду живой, к тому же под воздействием поступающего из капельницы морфина боль на мгновение отступила.

Рядом в зале ожидания, привалившись к плечу Жонатана и закинув назад голову, дремала побежденная усталостью Хлоя. Бодрствовал только Адриэль, встревоженный, любящий. Медсестра сделала ему знак:

– Она проснулась. Я должна предупредить врачей, но у вас есть минутка.

Он часами снова и снова твердил слова, которые скажет ей, чтобы успокоить, чтобы показать, что он здесь, рядом и любит ее. Наконец он вошел, присел в кресло возле кровати, положил голову на живот Ноэми и залился слезами. Чтобы успокоить его, сказать, что она все еще здесь, рядом, что тоже любит его, она нежно погладила его по волосам.

Дверь открылась, Хлоя и Жонатан остались стоять на пороге. В конце концов, того, что они видели оттуда, им было вполне достаточно.

Он вошел в палату, будто в собственную гостиную.

– Здравствуйте, солдат. Меня зовут Мельхиор. Врачи вас подлатали? Вы знаете, кто я?

Ноэми быстро рассмотрела собеседника во всех деталях и утвердительно кивнула. Док положил на ее постель планшет с белым экраном.

– Занятное упражнение: поскольку вы пока не можете мне отвечать, мы переиначим практику психиатрии. Сегодня говорить буду главным образом я. Вот увидите, я чудовищно болтлив. Так, во всяком случае, утверждала моя жена.

Он уселся возле Ноэми и раскрыл свой блокнот.

– У вас есть семья?

Ноэми схватила планшет и напечатала: «Мать. Лондон».

– Ее нет в вашем страховом полисе среди лиц, которых надлежит предупредить в случае несчастья. Впрочем, там никого нет.

«10 лет», – написала Ноэми.

Психиатр наклонился, чтобы прочесть, пока она печатает:

– Десять лет... как вы не виделись?

Ноэми утвердительно моргнула.

– А тот симпатичный парень, что болтается по коридорам, точно привидение... У него есть имя?

«Адриэль», – написала она.

– Итак, вы не одиноки. Это хорошо. И даже очень важно. Буду с вами честен, ваше лицо сильно изуродовано. Насколько сильно, мы узнаем через сутки, когда медсестры снимут повязки. А пока я бы хотел, чтобы вы сделали небольшое подготовительное упражнение. Нечто вроде проекции. Я буду называть поврежденные участки, а вы должны представить, как они сегодня выглядят.

Ноэми подняла глаза. Один бледно-зеленый, как молодой листок, другой – еще черный от кровоизлияния. Мельхиор заговорил спокойным тоном:

– Вас обрили, но это вы могли почувствовать на ощупь. Ваша правая щека почти полностью вырвана и снова пришита. Ваш сломанный нос теперь восстановлен. Он еще немного опухший, с несколькими кровоподтеками, но восстановлен. Хирурги извлекли из разных мест вашего лица пятнадцать дробинок. Каждая из них оставит на нем свой след, от подбородка до лба, в виде звездочки, которая с годами постепенно уменьшится.

Ноэми замолотила по клавиатуре: «Когда я выйду?»

Мельхиора это позабавило.

– Вы отважный солдат, я в вас не ошибся, – заметил он, откладывая блокнот. – Вдобавок ко всему у вас вывихнут большой палец и сломана челюсть. Это что касается вашего физического состояния. Но с точки зрения психики это совсем другая история. Не обманывайтесь, починить вашу оболочку – не столь уж сложная задача. А вот вероятность

устранить невидимые повреждения, разумеется, более проблематична, то есть непредсказуема. Полагаю, вы сможете расстаться с нами через месяц. Но после этого нам предстоит еще немало сеансов. Мы с вами станем друзьями, вы и я, или даже родственниками.

Военный госпиталь Перси. Четвертое утро

Медсестра дала Мельхиору время, чтобы успокоить пациентку. Последние семьдесят два часа Ноэми провела в ожидании этого момента, который теперь пыталась хоть немного отсрочить.

– Вы готовы? – спросил Мельхиор.

Ноэми отрицательно покачала головой.

– Хорошо. Тогда оставим как есть. Кто знает? Может, этим летом бинты на лице войдут в моду.

Периорбитальная гематома слегка рассосалась, а чернота вокруг зрачка уступила место карминово-красному, по правде говоря не более привлекательному. И все же в минутной тревоге пациентки Мельхиор уловил некоторое нетерпение.

– Отложим до завтра?

Ноэми осторожно взяла его за руку – как младший ребенок, цепляющийся за старшего. Мельхиор согласился на контакт, не слишком частый в психиатрии, и едва заметным пожатием заверил ее, что никуда не денется.

Бесконечно бережными движениями медсестра принялась разматывать бинты, постепенно обнажая бритый череп. Затем она последовательно сняла широкую повязку, закрывающую щеку, другую – предохраняющую сломанную челюсть, и, наконец, освободила лоб. Оставался только гипс в

форме буквы «Т» на спинке носа.

По мере того как на вновь открывающихся участках кожи Ноэми ощущала холодок утреннего воздуха, ее дыхание учащалось. Она подняла руку к лицу, но не осмелилась прикоснуться. Прежде чем потрогать, ей хотелось увидеть, но, прежде чем посмотреть самой, она перевела взгляд на Мельхиора. Ад всегда таится во взгляде другого. Он словно суд. Взгляд, который изучает нас, мешает нам решиться, сдерживает, утомляет и печалит, заставляет нас любить или ненавидеть себя.

Ноэми присела на постели, осторожно спустила босые ноги на чистый линолеум и встала. Метр, отделяющий ее от стены, на которой висело зеркало, казалось, все растягивался по мере того, как она к нему подходила. Оказавшись наконец перед зеркалом, она ничего не узнала. Никого. Этот чудовищно оплывший кровавый глаз – как часто она видела такие у избитых женщин, – нависающий над гипсом, какой обычно облепляет носы поверженных боксеров; эта челюсть, распухшая из-за трех пластин и двенадцати шурупов, которыми они к ней привинчены; серповидный шрам на щеке, как будто выгрызенной бешеным псом, и мириады отметин, усыпавших всю правую сторону лица, отчего оно стало похоже на звуковой валик для старинных шарманок. Все это было бы невыносимо, если бы речь шла об отражении Ноэми. Но это была не она.

Она моргнула. Один раз.

Незнакомка по ту сторону зеркала тоже моргнула.

Ноэми приготовилась увидеть свое лицо, пусть даже изуродованное, но это уже не было ее лицом. Она не отождествила себя с анатомической моделью, уставившейся на нее из зеркала.

«Это я смотрю на себя мертвую».

Затаив дыхание, она застыла. Она не верила. В конце концов пальцы Ноэми легли на огромный рубец. Перехваченная хирургическими нитями опухшая дуга, которая брала начало от уха, пересекала скулу, подбиралась к носу и едва касалась губ, чтобы пройти вдоль линии челюсти до соединения с шеей.

Ноэми инстинктивно повернула голову, словно бы для того, чтобы в зеркале виднелся лишь незатронутый профиль. На ее прошлом блеснула слеза. Потом она предъявила зеркалу правый профиль. Женщина, которой она была прежде, исчезла, уступив место незнакомому и безобразному монстру.

Стены внезапно расступились, бездна раскрылась и поглотила ее. Мельхиор успел подхватить Ноэми, прежде чем она лишилась чувств.

* * *

Ноэми снова оказалась в постели, она специально натянула простыню на лицо, чтобы скрыть то, что ей не хотелось ни принимать, ни показывать – даже доктору, например

Мельхиору. Она хранила молчание. Подавленная, растерянная, неспособная взглянуть в лицо реальности.

– Ваш рубец имеет форму полумесяца. Пройдет несколько лет, и он превратится в едва заметную бороздку.

Простыня поползла вверх.

– Известно ли вам, что в созвездии Козерога насчитывается пятнадцать особенно ярких звезд? Столько же, сколько на вашем лице.

Ноэми схватила планшет и яростно отбарабанила: «СТОП!!!!»

А потом дала волю гневу, которого ничто уже не могло сдержать.

«Картинки, чтобы меня утешить! Шрам как полумесяц. Рубцы как звездочки. Мне не пять лет. Это бесполезно. Я не верю вашим рассказям. Убирайтесь вон вместе с вашим созвездием Козерога».

Мельхиор печально улыбнулся. Почувствовав неловкость, Ноэми напечатала: «Простите».

– Не извиняйтесь. Вы вправе оскорбить даже целую планету. Лучше скажите мне, что я могу для вас сделать.

«Я хочу домой. Хочу спрятаться. Увидеть своего кота. Отпустите меня. Умоляю вас».

– Уже скоро, Ноэми, очень скоро. Не будем спешить. И напоминаю, что сегодня днем у вас гость. Никаких обязательств, ритм задаете вы. Вы принимаете все решения. Адриэль прекрасно может и подождать.

Ноэми вздрогнула. Адриэль! И речи быть не может! Только не в таком виде. Только не с этой искромсанной физиономией.

– Знаю, вас это пугает, но свидание с близкими будет столь же благотворным, как любой сеанс, который мы с вами проведем. Адриэль может быть сильным за двоих, если у вас сейчас не хватает сил для одной себя. Не смотрите в зеркало, увидите себя его глазами.

«А если он не выдержит»?

– Тогда вы это поймете. Главное – знать, на кого рассчитывать. В случае необходимости мы найдем другую поддержку. Но прошу вас, не стоит заранее недооценивать его.

Прежде чем выйти из палаты, Мельхиор дал медсестрам распоряжение связаться с ним, как только появится визитер. Если возлюбленный придет, надо будет заранее его подготовить. Его тоже.

Пересменка охраны совпала с поступлением тяжелого пациента, что позволило Адриэлю пройти по госпитальному коридору, не повстречав ни одной живой души, и тихонько постучать в дверь палаты Ноэми. Никто не успел сказать ему и слова о том, что ему предстояло увидеть.

Еще в конторе он дал понять Хлое и Жонатану, что хочет повидать ее первым и наедине.

Он осторожно приоткрыл дверь и взглянул на задремавшую Ноэми. С порога ему был виден только левый профиль подруги, но, когда дурной сон заставил ее повернуться в постели, сердце Адриэля мучительно сжалось. В этот момент она вдруг открыла глаза и поспешно, как могла, спрятала лицо. Оттого что ее увидели против ее воли, у Ноэми возникло ощущение, будто она подверглась изнасилованию. Как показать Адриэлю лицо, которое ей больше не принадлежит, лицо, которого она никогда не примет? Изумление Адриэля и то, как он едва заметно отшатнулся, отпечатались в памяти Ноэми, хотя это было лишь мгновение.

Она так и лежала, прикрыв лицо, словно стараясь спрятать шокирующую наготу, когда ее мужчина приблизился и устроился возле нее. Ладонь Адриэля коснулась ее руки и мягким, ласковым движением он попросил Ноэми показать раны.

«Не стоит недооценивать его», – сказал Мельхиор.

Превозмог ли Адриэль себя? Сделал ли над собой усилие, пусть даже небольшое? Он этого ничем не выдал. На сей раз лицо его было совершенно непроницаемо, он внимательно, один за другим рассмотрел рубцы. Ноэми охватил стыд, словно она сама нанесла себе все эти шрамы. Каждое мгновение под его пристальным взглядом было для нее невыносимо. Вот бы время остановилось и пролетели десять лет, чтобы ее рубцы рассосались и от этого несчастного случая сохранились одни воспоминания, как после прошедшей войны остаются на стенах освобожденных городов следы пуль. Ей захотелось, чтобы окно палаты широко распахнулось и мощный порыв ветра унес Адриэля в другие края.

Но окно оставалось закрытым, а время текло еще медленнее, чем обычно. Утыканная шурупамися челюсть едва позволяла ей что-то нелепо бормотать, и она не осмелилась прибавить к отталкивающему виду тела неудобоваримую кашу из неразличимых слов. Вдобавок Адриэль онемел, как и она, так что Ноэми все бы отдала, лишь бы умереть на месте.

Потом улыбка. Улыбка, заставившая ее сдаться при первой же встрече. И слова: «Ты пока отдохни, а я вернусь после службы». А самое главное – нежный, как кожа новорожденного младенца, поцелуй, коснувшийся ее губ.

«Не стоит недооценивать его», – сказал Мельхиор. – Он может быть сильным за двоих, если у вас сейчас не хватает сил для одной себя».

* * *

В больничном коридоре силуэт Адриэля четко вырисовывался в рассветном солнце. На полпути к лифтам он внезапно остановился. Привалился спиной к стене, перевел дыхание и сразу сбросил маску приличия, давившую на него, как свинцовые доспехи. Заливаясь слезами, он молотил кулаками по стене, все сильнее и сильнее, не ощущая боли и не замечая, как при каждом ударе у него на руках лопается кожа. Это лицо. Простите. Это лицо... Он не справится.

Заступая на дежурство, Мельхиор столкнулся в коридоре с молодым человеком, раздавленным горем и одолеваемым множеством других демонов. Неприятие действительности. Надвигающаяся беспомощность. Готовящееся бегство.

Он без колебаний признал в незнакомце Адриэля, того самого влюбленного, что после несчастного случая слонялся по коридорам.

Принял ли он случившееся?

Или прикинулся, что принял?

Военный госпиталь Перси. Двадцать восьмое утро

На протяжении последних четырех недель Хлоя и Жонатан много раз проходили по этим коридорам. Нагруженные журналами, припрятанными сигаретами, а однажды вечером, с заговорщицкого согласия медсестер, даже с бутылочкой рома-аранже⁶, который произвел ожидаемый эффект. Двум старым товарищам всегда удавалось найти правдоподобный предлог, чтобы объяснить смущающее всех отсутствие Адриэля. Трудное расследование. Операция по внедрению в каком-нибудь городке. Смена осведомителя. Однако Ноэми уже давно поняла. Наверное, после поцелуя в губы. Того самого, что она приняла за выражение любви, хотя он был всего-навсего прощальным.

Гипс с носа исчез, большой палец обрел былую подвижность, и после долгих сеансов реабилитации ей теперь удалось правильно артикулировать: так, чтобы звук ее голоса не вызывал у нее самой желания смеяться, рыдать или же навсегда умолкнуть. Оставалось только минное поле этого лица. Невыносимого.

За двадцать восемь дней волосы отросли на добрый сантиметр, и Ноэми сменила стрижку скинхеда на прическу проходящего химиотерапию больного. Теперь стало совершен-

⁶ Ром-аранже – смесь рома с травами, специями и фруктами.

но очевидно, что в ответ на выстрел, повредивший кожу волосистой части головы, организм запутался в генетической информации и начал творить незнамо что. Весь правый висок покрылся седыми волосами. Некоторые назвали бы это шиком – одинокая серебристая прядь в рыжей шевелюре.

Ноэми сложила сумку, забрала парочку вещей из душевой, спокойно уселась на кровать и принялась ждать, болтая ногами, как нетерпеливый ребенок. С целью избежать возможности отразиться в зеркале, каждое ее движение в этой палате было рассчитано до миллиметра. Она могла бы попросту снять зеркало, развернуть к стене или разбить, но оно как бы предвещало будущие взгляды – взгляды людей, с которыми она столкнется, едва выйдет наружу. На улице можно опустить голову, отвернуть лицо или слегка прикрыть его, но она не вправе ни требовать от прохожих, чтобы они шли, глядя в небеса, ни выколоть всем глаза. Жаль. Так что придется привыкать.

Войдя к ней в палату и заметив, что она совершенно готова, Мельхиор ощутил, как у него сжалось сердце. Хотя «готова» – слишком сильно сказано. Ноэми понятия не имела, с чем ей предстоит столкнуться, и ему казалось, что он собирается бросить девочку-аутистку у ворот школы. Хотя по-настоящему готовой Ноэми не будет уже никогда, и сегодняшний день ничем не отличается от любого другого.

– Возвращаю вам планшет, – вместо приветствия сказала она. – Он мне больше не нужен, я посмотрела все фильмы,

которые в нем есть. Среди них много французских черно-белых. Надо бы мне сводить вас в кино, после семидесятых годов прошлого века случилась куча всего интересного.

Мельхиор привык к этому автоматическому проговариванию. Шутки, пошлости, банальности – как если бы пациент не сосредоточился. По правде говоря, примитивный способ защиты – то ли лепет, то ли попытка скрыть глубокую травму.

Как бы Ноэми ни хотелось казаться уверенной, ей это абсолютно не удавалось. И Мельхиор решил еще раз напомнить пациентке о том, как ей следует воспринимать грядущие изменения поведения.

– Прислушайтесь к себе и попытайтесь анализировать реакции. Если они отличаются от тех, что вы испытывали прежде, возможно, причина в несчастном случае.

– Например?

– Вы и сами поймете. Я предпочитаю ждать появления проблем, а не притягивать их. Порой достаточно лишь упомянуть о некоем беспокойстве, чтобы создать его. Наш мозг прекрасно знает, как сделать нас больными.

– А вот я полицейский и сюрпризов не люблю. Так что давайте поточнее и ничего не упускайте.

– Как вам будет угодно, Ноэми, – сдался доктор.

Он потер виски, выиграв время на то, чтобы сообразить, с чего начать, – настолько многочисленны были побочные эффекты.

– Будьте готовы к некоторой агрессивности. Иногда по пустячным поводам. И наоборот, к поразительной пассивности относительно важных событий. В этом же ряду следует перечислить состояние тревожности, раздражительность, беспомощность при фрустрации, но и отказ от малейшего удовольствия.

– Короче, я превратилась в настоящий подарочек. Похоже, недолго мне ходить в девках.

– Вот-вот, и это тоже. Защита в виде вымученных шуток, – подхватил Мельхиор. – Демонстративные средства обороны. Ваш характер изменится вплоть до структуры. Не признав собственное лицо, вы рискуете удивиться своим реакциям, словно вы стали другой. Однако все это – всего лишь новая вы, причем преобладает та личность, которой вы были всегда.

– У меня такое впечатление, будто моя жизнь началась в этом госпитале. Теперь я даже не помню о той, кем была до того, как приобрела эту физиономию из сырого мяса.

Жестокость образа заставила его поморщиться. Неприятие себя следовало бы ставить во главу списка посттравматических реакций, но это был не тот случай.

– Кстати, относительно ваших воспоминаний и вашей памяти... Вы пережили мучительное испытание смертью, и ваш мозг отреагировал, как хороший солдат: он прикрыл вас, взял под защиту, постарался стереть токсичную информацию. Но то, что он старается скрыть, слишком сильно. Это

как пытаться удержать дикого зверя в картонной клетке. В тот или иной момент непременно случатся потери, выгорания... Интрузивные мысли⁷, внезапные импульсы, спровоцированные самым обыкновенным звуком или запахом. Во время выстрела или после него произошла мнемоническая *гиперкаптация*.

– Сейчас я вам про это расскажу, – усмехнулась Ноэми.

– Простите. Проще говоря, мы все в точности помним о том, что делали во время взрывов одиннадцатого сентября. Наша память каптировала, то есть ухватила этот момент и навсегда заключила его в себе. Но помимо этого, она каптировала и сведения-паразиты. Помещение, в котором мы находились, окружающих, как они были одеты, цвет неба или запах готовившейся пищи. Именно эти воспоминания-паразиты всплывают на поверхность и открывают путь травмирующим воспоминаниям.

– Угу, короче, от меня больше ничего не зависит, верно?

– По правде говоря, мало что. Во всяком случае, поначалу. Если же продолжить обсуждать тему памяти, существуют риски гипермнезии: например, способность помнить какой-то день в мельчайших подробностях, но также и прямо противоположный случай: ошибки кодирования кратковременной памяти, из-за чего вы напрочь позабудете, что произошло за последние пять минут или пять часов.

⁷ *Интрузивные мысли* – бессознательные мысли, которые нарушают внимание или нормальную деятельность и могут стать навязчивыми.

– Я в любом случае не предполагала в ближайшие дни включаться в социальную жизнь. Мне доставит огромное удовольствие провести их в собственной постели.

– Однако ночью будет не проще, – поспешил уточнить Мельхиор. – У вас могут случаться навязчивые кошмарные сны, острые переживания произошедшего, ранние пробуждения или бессонница. Если особенно повезет, все это может даже происходить в течение одной ночи! – пошутил эскулап, чтобы разрядить обстановку. – Конечно, я прописал вам несколько седативных средств, которые следует начать принимать сразу по выписке из госпиталя. Но помните, лекарства – всего лишь костыль, не вздумайте к нему привыкнуть, а это может случиться очень быстро.

– И вы что, всю эту тарабарщину вписали в заключение? – встревожилась Ноэми.

– А вы уже подумываете о возвращении на службу?

– Я всегда была только фликом. И не смогу научиться ничему другому. К тому же быть полицейским – это многое заменяет в жизни.

Мельхиор в недоумении вздернул бровь: он не привык терять нить беседы. Ноэми уточнила свою мысль:

– Так вот, сила – это сила. Все видят только это. Он – сила. Но сила в форме – это флик. Так что в нем видят только функцию. Вы помните полицейского, который принимал вашу последнюю жалобу? Не мучайтесь, вы его забыли. Вы видели только то, что он представляет.

– И вы полагаете, что, укрывшись за своим бронежилетом, вы заставите позабыть, кто вы?

– Совершенно верно. Спрятавшись за функцией, званием, властью, силой, оружием, я уже больше не женщина, и тем более не покалеченная. Я просто-напросто флик. Именно потому меня так сильно беспокоит ваше заключение.

Два дня назад в тишине своей парижской квартиры при голубоватом свете монитора компьютера психиатр начал писать имя пациентки. «Ноэми Шастен». Затем он выпил арманьяка, выкурил сигаретку и повторил эту процедуру еще пару раз, прежде чем бросить работу над почти девственной страницей.

– В моем заключении будет говориться только о необходимом тридцатидневном отпуске после болезни, – сымпровизировал он. – Я опасаюсь, что, лишив вас работы, причину вашему организму гораздо больше ущерба, чем что бы то ни было иное. В остальном – решайте со своим руководством. В любом случае я настоятельно рекомендую вам один сеанс психотерапии в неделю.

– С вами?

– Хотите меня обидеть? Разумеется, со мной.

Похоже, Ноэми решительно успокоилась, и доктор ощутил даже некоторую гордость.

– Так что, значит, все? Вы закончили? Я чувствую себя Красной Шапочкой, которую мамочка инструктирует, прежде чем отправить через лес. Вы ведь хотите, чтобы я

осталась еще на несколько дней, верно? Уж не влюбились ли вы, Мельхиор?

– Я бы не рискнул еще дольше разлучать вас с котом. Кстати, вы мне так и не сказали, как его зовут...

– Понятия не имею, – откровенно ответила она.

Ноэми сидела в холле госпиталя – клетке Фарадея⁸, все еще защищающей ее от превратностей внешнего мира; рядом находился Мельхиор. На рюкзаке сохранилась самоклеящаяся этикетка с фамилией, именем и адресом – воспоминание о последнем путешествии с Адриэлем. Бали, Индонезия, синий нитяной браслет, который она привезла оттуда как сувенир, а несколько дней назад сняла с запястья.

Опечаленная этим милым воспоминанием, отныне отравленным поведением бывшего спутника, она дернула клейкую бумажку, и та порвалась, оставив на рюкзаке лишь крошечный клочок с уцелевшим обрывком имени: «Но».

Ноэми умерла в том предместье от выстрела в упор, и сегодня через широкую застекленную стену госпитального холла на толпу живых смотрела Но.

– Если улица и метро пугают вас, я заказал такси, – успокоил ее Мельхиор.

Она колебалась. Уйти. Обнять его.

– Даже не знаю, как вас благодарить за все, что вы для меня сделали, док.

– Мы только начали наше общее дело, солдат.

⁸ *Клетка Фарадея* – устройство, изобретенное английским физиком Майклом Фарадеем в 1836 году для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей.

Перед ее глазами пронесся Париж. Шумный и многолюдный. В этом городе, все улицы которого Ноэми знала наизусть, она почувствовала себя чужой. Оробевшей и растерявшейся, как на выходе из аэропорта в незнакомой столице, в новой стране.

Шофер остановил машину у скромного пятиэтажного дома в спокойном квартале. Во время поездки он ни разу не взглянул на пассажирку в зеркало заднего вида.

Ноэми оценила его безучастность.

У входа в подъезд она поздоровалась со своим черным котом, от рождения раз и навсегда замершим под домофоном, там, где два года назад какой-то уличный художник нарисовал его при помощи аэрозольного баллончика. Ни один из жильцов не пожаловался, и никто не решился замазать изображение слоем белой краски.

Котик без ключев шерсти на диване, без вонючего кошачьего туалета и корыстного мяуканья. Идеальный кот. Ее кот.

Когда дверь квартиры захлопнулась у нее за спиной, она обнаружила студию точно в том же виде, в каком оставила ее двадцать восемь утр назад, если не считать тех мгновений, что потребовались ей, чтобы вспомнить свое жилище. Какие-то шмотки, лениво брошенные как попало, наваленная

в мойку грязная посуда и чахлый, полудохлый фикус. Квартира одиночки, впрочем она собиралась съехать отсюда как раз перед несчастным случаем, чтобы поселиться вместе с Адриэлем. Теперь же от него оставалась только забытая на неприбранной постели футболка.

Она размышляла, сложить ли ее или выбросить, когда в дверь позвонили. Даже не открывая, Ноэми узнала свою соседку. Мадам Мерсье. Та никогда не заявляла о себе одним звонком, но всегда долго держала на кнопке узловатый палец, будто так и заснула. Старая сова.

– И где же вы были все это время? – прошамкала восьмидесятилетняя старуха.

– Я получила целый заряд из охотничьего ружья прямо в лицо. И месяц провела в ремонтной мастерской.

Почти слепая и очевидно глухая соседка приложила ладонь к уху:

– Как-как? Что вы говорите?

– Я сказала, что была в отпуске. В ОТПУСКЕ! – почти крикнула Ноэми, прежде чем захлопнуть дверь прямо перед ее носом.

Вновь оказавшись в одиночестве, она горько посетовала на то, что мир состоит не только из равнодушных таксистов и старых, подслеповатых и тугоухих соседок.

Она принялась было за генеральную уборку квартирки, но вдруг неожиданно совершила крутой поворот из гостиной в ванную, где в засаде ее поджидало высокое зеркало в полный

рост. Она нос к носу столкнулась с собой.

Рубцы и раны. Шрамы и чертовы созвездия Козерога. Желание привести в порядок и вымыть жилище внезапно показалось ей смехотворным.

Она откупорила пиво и проглотила анксиолитик – сделала все в точности так, как ей не велел поступать Мельхиор. Через пятнадцать минут она примет еще одну таблетку, чтобы уж окончательно отупеть и, рухнув на диван и уткнувшись носом в одеяло, с достоинством встретить первый вечер своей новой говенной жизни.

*Кабинет руководителя Центральной службы судебной полиции*⁹

Глава судебной полиции вызвал к себе комиссара, отвечающего за четыре бригады по борьбе с оборотом наркотиков (одной из них прежде руководила Ноэми Шастен, а теперь Адриэль), на верхний этаж Штаба на улице Бастион, 36¹⁰. Рядом с комиссаром сидел приглашенный на совещание психиатр службы оперативной психологической поддержки. Впервые получивший доступ в столь высокие сферы, он с интересом разглядывал кабинет директора и окружающую его террасу из металла и неструганых досок, кое-где засаженную какими-то выносливыми растениями. Вся эта конструкция нависала над самой непривлекательной частью Парижа: бетон и башни, серость и тяжелый дым из выпускных коллекторов всего в нескольких метрах от кольцевой дороги.

– Шастен хочет вновь взять на себя руководство своей группой, – с заметным недовольством объявил руководитель бригады по борьбе с оборотом наркотиков.

⁹ Центральная служба судебной полиции (DCPJ) подчиняется Генеральной дирекции полиции Франции и занимается борьбой с организованной преступностью.

¹⁰ В 2017 году Центральная служба судебной полиции перебралась из знаменитой штаб-квартиры на набережной Орфевр, 36, в современное здание под тем же номером, но на улице Бастион.

– Уже тридцать дней, как она вышла из госпиталя? – удивился директор.

– Нет. Двадцать семь. Но двадцать семь или сорок два – это ничего не меняет, на нее же смотреть невозможно!

– Меня беспокоит не это. Псу, получившему пинок под зад, нужно время, чтобы снова дать себя погладить. Флик, участвовавший в операции, которая выходит из-под контроля и плохо для него заканчивается, начинает сомневаться в силе оружия и своей бригады. Однако вы совершенно правы относительно внешности, потому что ее лицо видит не она, а мы. Это станет вечным напоминанием об опасности нашей профессии и о том, что наша бригада не смогла защитить своего офицера. Ее раны будут внушать страх и чувство вины, что не есть хорошо. Даже совсем нехорошо.

– Я рад, что мы одного мнения. Итак, если все согласны, мы подыщем для нее спокойную группу в финансовой полиции или в административном отделе, но в бригаду по борьбе с оборотом наркотиков она не вернется.

– А криминальная полиция? – предложил комиссар. – Все-таки она служила там шесть лет.

– Тут дело не в послужном списке. В криминалке вам скажут то же самое. Никто не согласится взять, ее надо перевести.

Психиатр отвлекся от созерцания террасы, чтобы наконец включиться в разговор.

– И как же вы предполагаете действовать? Вы же, как и

я, прочли заключение доктора Мельхиора, который ее курировал?

– Послушайте, – вышел из себя глава судебной полиции, – это ведь вы состоите на должности полицейского психиатра, а не Мельхиор, верно? Ваши заключения будут иметь больше веса, чем его.

– Тем не менее он светило восстановительной психиатрии пациентов с изувеченными лицами. Лично я не стану ему противоречить. На кого я тогда буду похож? Если он скажет, что она готова, я ни словом не возражу.

Установившееся в кабинете молчание выразило ощущение полной катастрофы.

– У вас нет никаких тайных рычагов?

– Никаких. Разве что она промажет в стрелковом тире. Однако речь идет о капитане Шастен. Очень сомневаюсь, что она положит хоть одну пулю мимо цели.

– Это если не учитывать двадцать пять кило чистого кокаина, обнаруженного у наркоторговца Сохана Бизьена. Если разбодяжить и продавать по граммам, это около девяти миллионов евро. Вы отдаете себе отчет в том, что мы говорим о настоящей героине Национальной полиции Франции?

Глава судебной полиции понурился и сдался.

– Дождемся окончания назначенных тридцати дней, она пройдет медицинский осмотр для восстановления в должности, и отправим ее в стрелковый тир. А там посмотрим.

* * *

Когда в шесть часов вечера Ноэми позвонил комиссар, она постаралась изо всех сил сдержаться, чтобы голос не выдал ее волнения.

– Знайте, что, хотя ваше официальное возвращение состоится через три дня, вы вполне можете не торопиться, – сделал последнюю попытку начальник.

– Нет. Уверяю вас, я готова.

Ноэми, с мальчишеской стрижкой, в окружении груды промасленных упаковок от готовой еды, которую ей весь месяц регулярно доставляли на дом, сидела на диване скрестив ноги, в комнате с задернутыми занавесками. Пепельница была переполнена, вокруг валялись пустые бутылки. Так, под приглушенное бормотание телевизора, чередуя три пропахшие сном и сигаретным дымом футболки, она провела ваперти четыре недели и теперь напоминала пребывающего в глубочайшей депрессии грязного отшельника.

– Ага, я определенно готова.

Спустя три дня

«Вот тебе и день выхода на службу», – подумала она, утирая рот над унитазом: ее только что вырвало из-за сильного стресса.

Оказавшись в ванной, она наивно поверила в магические силы макияжа: так некоторые девчущки тщетно замазывают свои мордашки слоями тонирующего крема, чтобы скрыть следы прыщей.

Наложение толстых пластов пудры и крема на серповидный шрам и следы пуль скорее напоминало заштукатуривание фасада старого дома, чем эстетическую процедуру, поэтому она смыла краску мылом и водой.

На прямые брюки и обтягивающий темно-синий свитер надела черное полупальто, прихватила рюкзак, надвинула на лоб кепку и ринулась на улицу, как прыгают с парашютом.

Невероятная удача: столица оказалась совершенно пустынна. От ее улицы до проспекта, от проспекта к метро – ни одной живой души. Два миллиона парижан словно улетучились, были похищены, исчезли. Так, во всяком случае, она подумала по пути, передвигаясь с низко опущенной головой, уткнувшись взглядом в асфальт, надеясь таким образом сделаться невидимкой.

Ноэми автоматически позволила своей памяти вести ее

переходами метрополитена, столкнулась с несколькими безликими силуэтами, нечаянно задела какого-то торопливого и мерзкого клерка в костюме и при галстукe, вошла в вагон, проехала пять остановок, перешла на другую линию на станции «Миромениль», вошла в вагон, выбралась на свежий воздух, прошагала определенное расстояние, ввела код замка, взглянула на своего кота, поднялась на четыре этажа и оказалась перед дверью своей квартиры.

Справившись с легким приступом паники, она вспомнила предостережения Мельхиора. Рассеянность, путаница и ошибки кодирования памяти. Это нормально, солгала она себе. Со временем все придет в норму. И Ноэми вновь пустилась в тот же путь, стараясь быть внимательнее.

* * *

Однако перед управлением судебной полиции опущенная голова уже не годилась. Таиться означало только одно: она не готова. Сегодня следовало быть уверенной в себе, как никогда, только вот вопрос: как этого добиться с потными ладонями, ватными ногами и кое-как подштопанной физиономией, которую придется выставлять напоказ.

Она поприветствовала дежурную, и та, после того как Ноэми прошла мимо и достигла двойного ряда лифтов, еще несколько секунд просидела с раскрытым ртом. Ноэми поднялась на пятый этаж, с каждым метром дыхание все уча-

щалось. Согласно чертову закону, гласящему, что неприятность никогда не приходит одна, когда двери лифта открылись, перед ними должен был бы стоять Адриэль, но этого не произошло. Так что она зашагала по коридору, ведущему к ее кабинету.

Жестокие убийства, сцены кровавых преступлений, не стоит забывать также вскрытие трупов всех возрастов и во всех видах: эта обыденность делает полицейских не слишком впечатлительными. И все же она замечала, что все, с кем она встречалась в коридоре, все, кто обращался к ней с теплым приветствием и поздравлял с благополучным возвращением, слегка вздрагивали. На крошечную долю секунды. Но для Ноэми, чутко подстерегавшей каждую реакцию, мгновенно замечавшей ее, этого было достаточно. Какой-то пустяк, вообще ничего, что словами могло бы быть выражено так: «Ну да, меня предупреждали, но все же...»

Она толкнула дверь, на которой красовалась табличка с ее именем.

Бригада по борьбе с оборотом наркотиков – группа Ша-стен.

А там, нисколько не сдерживаясь, ей на шею бросилась Хлоя. Она надела – возможно, чтобы избавиться от тягостного воспоминания, – тот же розовый свитер с принтом «U.P.D. Unicorn Police Department», что был на ней в день трагедии и одиноко провисел два месяца в глубине платяного шкафа. Даже встреча сестер не могла бы выглядеть так

трогательно.

– Как я счастлива! Ну как же я счастлива! – непрерывно твердила Хлоя, подкрепляя восклицания звонкими поцелуями. – Я каждый день по тебе скучала.

Жонатан просто пожал ей руку, однако частые визиты в госпиталь и радость, которую он испытывал, снова видя командира в строю и в исправном состоянии, мгновенно превратили это официальное приветствие в сердечное объятие. И столь же искренний ответ.

Пришел черед Адриэля. Он посмотрел на нее ускользающим, заискивающим взглядом, как-то снизу вверх, будто собака, распотрошившая содержимое помойного ведра на всю квартиру. И хотя Ноэми старалась повернуться ко всем левым профилем, тут она ощутила необходимость продемонстрировать ему худшее, что могла показать, и даже получила определенное удовольствие.

«На-ка. Получи по полной. Вот то, на что ты не хочешь смотреть. То, что ты не можешь выдержать. То, во что я теперь превратилась».

Сейчас, стоя перед мужчиной, который покинул ее, ничего не сказав, просто потому, что она перестала быть Ноэми и сделалась Но, она должна была решить, кем теперь будет: жертвой или воительницей.

Ноэми смирилась бы, если бы он не выдержал. Никого нельзя заставить любить уроды. Но все-таки она заслуживала его искреннего признания, а не беспощадного забвения на

долгие шестьдесят дней в то самое время, когда она сильнее всего в нем нуждалась.

Она взглянула на пуленепробиваемые жилеты своих коллег и уже покоящееся в их кобурах оружие:

– Вы собрались уходить?

– Да, – чересчур поспешно подтвердил Адриэль. – Наблюдение в предместье вместе с группой судебной полиции Девяносто третьего департамента¹¹. Но тебя ждут в стрелковом тире. Это обязательная процедура. Руководство группой ты примешь только завтра. Приказ комиссара.

Он уже собрался выйти из кабинета, но стоявшая прямо возле двери Ноэми не сдвинулась ни на сантиметр:

– А ты что? Разве ты мне не скажешь, что скучал по мне?

– Ну да, конечно! Конечно скучал, – запинаясь, промямлил Адриэль. – Разумеется, все по тебе скучали.

– Разумеется.

* * *

В лифте, доставившем группу на парковку, Адриэль оставался угрюмым и замкнутым.

– Козел ты, – бросила ему Хлоя.

Молчание. Скрежет кабелей.

– Согласен, – добавил Жонатан.

¹¹ 93-й департамент – Сен-Сен-Дени (SDPJ 93).

* * *

Оставшись в кабинете одна, отважная Но, которая только что с преувеличенной бравадой встретила с тем, кого, наверное, еще любила, заплакала и долго не могла унять судорожные всхлипы, от которых сердце буквально выскакивало из груди.

Штаб судебной полиции. Стрелковый стенд

– О'кей, – заявил инструктор. – Занимай стрелковую позицию. Оружие на предохранителе. Вставляй магазин на пятнадцать гильз и вставай на отметку пять метров для стрельбы с близкого расстояния пятью боевыми патронами.

Десятью минутами раньше она открыла чемоданчик, в котором хранился ее «зиг-зауэр» специальной полицейской модели, и посмотрела на него, словно это был готовый ужалить гигантский скорпион из черного металла. Она ощутила легкую дрожь в руке, сосредоточилась и разыграла остаток сцены, почти не дыша.

– Стрелок готов?

Замерев, подняв оружие перед собой и целясь в бумажную мишень, Ноэми не ответила.

– Ноэми?

Оружие, в точности как та, что держала его, молчало. Затем ее вновь охватила дрожь, еще более сильная, лишаящая боеспособности. Инструктор незамедлительно, пока пистолет не выпал у нее из рук, завершил сеанс:

– О'кей, Ноэми. Не двигайся, сейчас я заберу у тебя оружие.

Он с осторожностью сапера положил ладонь на ее руку:

– Разожми пальцы. Вот так. Спокойно.

Освободившись, Ноэми смогла наконец набрать в легкие воздух. Инструктор без единого слова отщелкнул обойму и поставил оружие на предохранитель, вынув доведенный в ствол патрон. Отработанные до автоматизма движения позволили ему обдумать ситуацию.

– Мне известно, что такое безоружный флик, – признался он. – Это не что иное, как кастрат. Я тоже был таким – после депрессии. Но моя работа – это также твоя безопасность и безопасность твоей команды.

– Но ты меня провалишь? – забеспокоилась Ноэми.

– Если я это сделаю, придется упомянуть о твоей дрожи, и тебе запретят профессиональную деятельность, а взамен ты получишь серию бесед с полицейским психиатром. В тебя стреляли, и тебе просто нужно время, чтобы опять освоиться с оружием. А вовсе не доктор, который ни черта не смыслит в нашем деле.

Вопросительно подняв бровь, Ноэми ждала его предложения.

– Мы с тобой заключим сделку. Ты придешь завтра, потом послезавтра и будешь приходить столько раз, сколько понадобится, чтобы твой «зиг» прочно держался у тебя в пятерне. А пока я зачту сегодняшний сеанс, но пообещай мне оставаться в конторе. Никаких вылазок на местность, пока хотя бы пять раз не попадешь в мишень так же точно, как тот парень, что отделал твою физиономию.

Обращаясь с ней без всякого стеснения и деликатности,

инструктор не мог даже вообразить, какую помощь он оказал Ноэми. Он говорил без малейшего уважения или снисхождения, как с любым другим. А она и была любой другой. В общем, нормально.

* * *

Возвращаясь с задания в 93-м департаменте, Адриэль сделал крюк и завернул в тир. И как бы между прочим поинтересовался результатами командира своей бригады. Инструктор, убежденный в том, что каждый член бригады должен поддерживать другого, не увидел в этом подвоха и в подробностях рассказал, что произошло.

– Мы договорились. Она тебе расскажет. Тебе невероятно повезло, что ты с ней работаешь.

– Ага, – подтвердил Адриэль. – Невероятно повезло.

Ноэми почти час провела перед зеркалом в ванной комнате, повернувшись вправо, чтобы видеть только тот профиль, который могла терпеть. Она тешила себя иллюзией возвращения в прошлое. Какая разница, она была такая хорошенькая, так что...

Мечтательное настроение Ноэми прервал звонок, на кухонном столе завибрировал телефон. Трубка сообщила, что ее ждет глава судебной полиции.

Через час быть на службе.

И все, больше никакой информации.

По пути Мельхиор послал ей привет, лаконичное сообщение: «Здравия желаю, солдат. Завтра утром у нас первый сеанс, помните?» Она ответила ему в лифте, который поднимал ее на последний этаж Штаба, и зашла к секретарю, прежде чем постучать в дверь шефа.

– Здесь вам очень рады, – сказал тот, жестом предлагая ей присесть.

Его замечание носило очевидно риторический характер, и Ноэми ждала продолжения. Неочевидного.

– Так уж вышло, моя работа заключается не в том, чтобы любить сотрудников, а в том, чтобы заставлять их работать, – продолжал он. – А вы явно еще не полностью оправились от болезни. Результат вашего испытания в тире был,

похоже, более чем удручающим. Я бы даже сказал, вызывающим опасения.

Произнося эти слова, он барабанил пальцами по лежащему на середине стола документу, привлекая к нему взгляд Ноэми. И то, что она увидела, привело ее в полное уныние.

Шеф еще ни разу не взглянул ей в глаза, и она размышляла, как долго ему удастся не встретиться с ней взглядом.

– Я думаю, вам необходим отдых. В сельской местности.

Со дня ее возвращения шеф опасался, как бы она не снизила до ноля боевой дух команды, не стала напоминанием о личной уязвимости каждого, не выкачала из них смелость и отвагу, как вампир – кровь. Так что этот рапорт, обнаруженный на рабочем столе сегодня утром, оказался подарком небес.

– В сельской местности? – невольно повысив голос, повторила Ноэми. – Вы можете на время лишиться меня оружия, но уж никак не уволить.

Осознав, что ступает по минному полю, патрон изменил тон:

– Кто говорит вам о подобных мерах? Поймите, я обсуждаю с вами обычный отпуск для выздоровления. Выздоровления с пользой для дела. Вы слышали о Деказвиле?

Ей захотелось засунуть этот Деказвиль ему в задницу, где бы ни находилась эта сраная деревня.

– Я посоветовался со специалистом по кадрам: там, на месте, нам нужен надежный сотрудник. Для командировки на

месяц.

– И что мне за этот месяц предстоит сделать? – удивилась Ноэми.

– Мы закрываем тамошний комиссариат. Вы не будете проводить расследования, как можно меньше будете патрулировать, не станете подвергать опасности ни себя, ни тем более ваших коллег. Съездите туда, посмотрите, как они работают, разберитесь в криминальной обстановке и доложите нам, следует закрывать их службу или нет. В Министерстве внутренних дел грядут значительные бюджетные сокращения, а поскольку на месте имеется жандармерия, то начальство желало бы, чтобы она взяла все на себя. Короче, то ли это самая спокойная из всех французских деревень, то ли там собрались самые некомпетентные полицейские. Ваше дело – составить свое мнение и сообщить его нам.

– А потом?

– Потом? Вернетесь в контору, окрепнув после болезни, взбодрившись, и будете готовы снова принять руководство своей группой.

Собственная ложь не слишком смутила его. Он был убежден, что в течение месяца удастся устроить все таким образом, чтобы перевести ее на службу в какой-нибудь административный отдел, с глаз долой.

– А если я откажусь?

– С чего бы вдруг вам отказываться? Я предлагаю вам решение проблемы, которая могла бы повлечь за собой другие.

Вы, конечно, вправе обратиться в профсоюз, сделаться досадной песчинкой, мешающей слаженной работе всего Штаба, начать продолжительную борьбу, чтобы оспорить мое решение. Все это, по самым скромным подсчетам, займет целый год и создаст вам определенное количество врагов. А те, что останутся с вами, будут вас избегать, чтобы не нажить себе неприятностей, так сказать, воздушно-капельным путем, за компанию. Итак, год конфликтов? Или месяц хлорофилла и кислорода? Что выбираете?

В бешенстве Ноэми вскочила со стула, схватила со стола рапорт с подписью, которую она узнала бы из тысячи, – с подписью Адриэля, и шваркнула дверь кабинета главы судебной полиции так, как никто еще прежде не делал.

* * *

По мере того как Ноэми приближалась к своему кабинету, ее бешенство росло, а когда она, готовая взорваться, открыла дверь, ее не смутило даже присутствие коллег из другой группы. Один из них представился, дружески протянув руку:

– Привет. Капитан Ронан Скалья, служба судебной полиции, Девяносто третий департамент. Мы сотрудничаем с твоим заместителем по делу...

Ноэми бесцеремонно перебила его:

– Потом. Департаментские, вон отсюда. Собрание группы. Флики из Сен-Сен-Дени были наслышаны о том, какой

нагоняй от нее можно схлопотать, а также о том, что это делается без посторонних глаз. Они покинули помещение, не дожидаясь, чтобы их попросили дважды.

Оставшись наедине со своей группой, Ноэми швырнула рапорт в лицо Адриэлю. Хлоя и Жонатан опустили глаза и стиснули зубы – они, очевидно, были в курсе и явно против принятого решения.

– Почему? – выкрикнула Ноэми. – Потому что ты не способен бросить калеку? Станешь меньше себе нравиться, так, да? Или у тебя просто яиц нет?

– Это временно, – начал было Адриэль.

– Временно, твою мать, сукин ты сын! Знаешь, как это будет? Как только я вернусь, меня запихнут в шкаф с бумагами. Ты просто даришь им время, чтобы они успели построить какой-нибудь покрепче, чтобы я из него не вылезла. Черт, с каким удовольствием я размозжила бы тебе башку!

Адриэль в этом не сомневался, он был уверен, что она вполне могла бы и одолеть его – в таком-то бешенстве.

Уже второй раз за день Ноэми с размаху хлопнула дверь, оставив за ней отныне расколовшуюся команду. Смущенный Адриэль попытался по возможности завладеть вниманием группы.

– Ладно, зовите департаментских. Не будем возвращаться к тому, что произошло.

– Не волнуйся, начальник, – с притворным уважением ответила Хлоя. – Мы не намерены иметь ничего общего с тво-

ей подлостью. Сукин сын.

Ночь стала чередой кратких провалов в сон и панических пробуждений. Стоило Ноэми погрузиться в дрему, ее вновь и вновь посещало одно и то же сновидение.

Длинный, идущий вниз тоннель, совсем темный – чернее, чем китайская тушь, почти доводящий до головокружения. Она не способна повернуть назад, ощущает сильные руки, которые толкают ее вперед, во мрак. Она неуверенно делает шаг за шагом в невидимое. Затем где-то вдали обнадеживающее мяуканье – это ее оживший нарисованный кот.

Его лапы ни на что не опираются. Кот парит. Его глаза цвета желтого янтаря зажигаются, пронзают тьму ярким сиянием, мощным, словно два прожектора, указывают ей путь, на который она не отваживается шагнуть. Ей хочется отступить, но кот рычит, прыгает и вцепляется ей в лицо.

* * *

Утром, прежде чем позвонить Мельхиору, Ноэми надела широкие белые льняные штаны и растянутую футболку. Пока лежащий на кровати ноутбук искал связь, она прикрыла простыней скрещенные ноги и прихватила чашку горячего кофе. На экране возник психиатр.

Ноэми описала возвращение на службу, не упустив ни од-

ного огорчения из случившихся за день. А поскольку док желал ей только добра, она не слишком преувеличивала их значение.

– Мне понятно ваше разочарование, однако я не могу расценивать это как дурную новость. Ваши коллеги знают Ноэми, а не какую-то Но, как вы теперь сами себя называете. Возможно, вам будет проще встречаться с людьми, с которыми вы пока не знакомы? Будь я адвокатом дьявола, я бы сказал, что одно ваше присутствие гораздо сильнее, чем шрамы, заставляет их снова переживать то мучительное событие, ту встречу со смертью, тот незабываемый арест – эти воспоминания напрямую связаны с вами. Возможно, временное расставание пошло бы им на пользу. И вам тоже.

Осознав, что ее рубцы отныне принадлежат всем, Ноэми помрачнела. Док успокоил ее:

– После того несчастного случая между вами установилась некая недосказанность, тайна, будто в вашем доме появился чужак. Когда вы признаете факт, что этот другой есть всего лишь часть вас, вы сможете снова стать единым целым. Но на это потребуется время, сейчас вы пребываете в полном физическом расстройстве.

Тогда она рассказала ему о коте с горящими, как маяки, глазами.

– Интересно. Изучение сновидений – это дверь в ваше бессознательное. Персонажи, которых вы создаете в снах, зачастую представляют лишь вариант вас самой. Этот кот, пы-

тающийся указать выход из тоннеля, есть не что иное, как вы сами, стремящаяся вырваться на свободу.

Фрейд говорит о сновидениях как об осуществлении мечтаний. По правде говоря, я думаю, что вы уже согласились на эту работу. В самой глубине вашего «я» идет война. Это принято называть дефьюзинг¹². По-французски мы определяем этот процесс как «*reconnexion*», восстановление соединения. Покой сельской жизни представляется мне более подходящим для ведения этой борьбы, чем бешеный ритм города. Вдобавок командировка не таит никаких опасностей, так что, признаюсь, для меня это убедительный фактор.

– Они ни на секунду не могут вообразить себе офицера, которого им предстоит принять. Я оскорбляю почти всех, разве что не вцепляюсь им в горло. Я не пощадила никого: начиная с моего шефа и вплоть до Адриэля.

Мельхиор живо представил свою протезе – гранату с выдернутой чекой – в кабинете шефа судебной полиции и развеселился.

– Если ребенку постоянно твердить, что он совершает одни глупости, он будет нарочно их множить. Повторяйте ему, что он идиот, и ребенок им станет. А все потому, что мы не любим разочаровывать. Именно те люди, на которых

¹² Дефьюзинг (от англ. defusing – раздробление, разъединение) – работа с малыми группами, проводимая сразу после критических инцидентов либо в течение первых 12 часов постэкстремальной фазы в целях диагностики, определения лиц, входящих в группу риска, и смягчения основных проявлений острого стрессового расстройства.

вы злитесь, комиссар и Адриэль, отталкивая вас, возвращают вам ваш изувеченный образ. Они не принимают вашу внешность, тогда вы вбиваете гвоздь еще глубже, становясь грубой и жестокой. Вы воплощаете в слова это отторжение, укрепляете их в том, что они думают. Вы стараетесь быть столь же отталкивающей, как ваше лицо. Чтобы не разочаровать их.

Мельхиор изменил угол наклона монитора, чтобы поиграть с освещенностью.

– Будьте добры, перестаньте прятаться. Я вижу только половину вашего лица.

В смятении, будто обнажаясь, Ноэми повернулась к камере анфас. Доктор внимательно рассмотрел ее.

– Скажу честно: в том, что я вижу, нет ничего отвратительного, но вы не готовы услышать и понять это.

На губах Ноэми появилась и мгновенно угасла легкая улыбка...

– Что же касается ваших ночей, если хотите, чтобы они были спокойнее, могу прописать вам локсапин¹³, но он может угнетать ваши сновидения. А для нас было бы более продуктивным иметь возможность услышать то, что они нам расскажут. Запасемся терпением и подведем итог, когда вы окажетесь в... Простите, так куда вас отправляют?

¹³ *Локсапин* – антипсихотический препарат, в основном используется при лечении шизофрении.

- В Деказвиль, это Аверон¹⁴.
- Аверон? Ах, ну да. Вот как.

¹⁴ Аверон – департамент на юге Франции, в Окситании.

Хлоя закрыла багажник, нагруженный двумя чемоданами Ноэми, и прислонилась спиной к машине. Пятью этажами выше, в доме напротив, Но готовилась покинуть свою квартиру. Через месяц я вернусь, пыталась она себя утешить. Изменюсь ли я? Станет ли мне вправду лучше?

На зеркале Ноэми губной помадой вывела вопрос: «Ну что? Ты себя любишь?» Ответ на эту записку она даст через тридцать дней. Она было сунула тюбик помады в косметичку, потом подумала, стоит ли брать, и оставила на бортике раковины. Два поворота ключа, а затем еще один разворот – невозможный: она добрый десяток раз позвонила в соседскую дверь, прежде чем старая сова наконец услышала:

– Здравствуйте, мадам Мерсье, я просто хочу предупредить, что некоторое время мы не увидимся. Я записала для вас свой телефон, оставляю ключи от почтового ящика и конверты с марками. Было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы могли пересылать мне почту. Я пришлю вам адрес, когда узнаю.

– С удовольствием, малышка Жюли, – заверила Ноэми старушка.

Решительно, Ноэми не много оставляла после себя. Есть вероятность, что ее переписка окажется в Норвегии, однако следовало рискнуть, потому что никого больше в доме она

не знала.

Ноэми закинула дорожную сумку на заднее сиденье и плюхнулась рядом с Хлоей.

– Какой вокзал?

– Аустерлиц.

Ноэми в последний раз взглянула на бежевую стену, с которой, как всегда на посту, наблюдал за ее отбытием кот.

– В любом случае я знаю, что ты за мной последуешь, – сказала она ему.

Часть вторая. Прямо в глушь

16

Вокзал Вивье-Деказвиль, Аверон

Кроме Ноэми, с поезда сошли еще только двое. После семи часов пути она покинула наконец «кукушку» – медленный местный состав, который сделал тысячу крюков, чтобы проехать деревни с неслыханными названиями, которых она, разумеется, никогда не вспомнит. Надо сказать, что, для того чтобы запомнить Ларок-Буйяк, Буас-Паншо и Лакапель-Мариваль, следовало иметь хорошую память или попасть там в аварию.

Никаких кварталов высотных зданий, только леса и поля с изредка попадающимися сельскохозйственными постройками. Никаких широких проспектов, лишь извилистые улочки, которые порой превращались в грунтовые дорожки и выводили к уединенным домикам. Скирды соломы, трактора и лошади: Париж решительно исчез. Впрочем, станция Вивье-Деказвиль не обладала буколическим обликом предыдущих остановок.

Ноэми осталась у вокзала одна, на залитом солнцем паркинге. Прямо напротив был пустынный ресторан, изобретательно названный «Вокзал». Позади него – покрытые при-

земистой растительностью облезлые холмы, которые больше ста лет загрязнялись выбросами тяжелых металлов при производстве цинка; у подножия холмов на сотни метров тянулись серые железные склады. Невдалеке, на площади в добрую тысячу квадратных метров, – заброшенный завод: лабиринт ржавых металлических труб и переплетение старых ленточных конвейеров, замерших в шестидесятые годы прошлого века.

За спиной раздался довольно-таки приветливый голос:

– Капитан, не стоит это разглядывать.

И когда Ноэми повернулась, встречавший ее молодой местный лейтенант увидел лицо своего нового командира.

– Ровно это собиралась сказать вам и я, – ответила она.

Утверждать, что он не отпрянул, как другие, к чему Ноэми уже привыкла, было бы неправдой. Однако он мгновенно сориентировался:

– Я хотел сказать, что здесь есть по-настоящему красивые места, надо только немного знать наш регион. Достаточно просто покинуть вокзал. Он даже на меня тоску наводит. – А затем протянул ей руку: – Лейтенант Ромен Валант. Мое почтение.

– Капитан Ноэми Шастен.

Ему было от силы лет тридцать пять, всклокоченные светлые волосы и милое мальчишеское улыбающееся лицо, как будто хорошее настроение для него было привычным.

– У меня есть дядя, так у него прямо под носом взорвал-

сы рудничный газ на шахте в Обене. Ему тогда исполнилось двадцать. По правде сказать, вы ему в подметки не годитесь.

– Тогда посмотритесь раз и навсегда, это удовлетворит ваше любопытство, и мы сможем двинуться дальше.

Она тотчас поняла, что была чересчур резка, и рассердилась на себя за столь холодную отповедь при первом знакомстве. Однако, похоже, этого было явно недостаточно, чтобы поколебать обычную жизнерадостность лейтенанта Валанта. Он ответил с обескураживающим чистосердечием:

– Ладно, раз уж вы сами предлагаете, с удовольствием.

Тут Ноэми стало немного не по себе рядом с этим незнакомцем, который со своей чертовой, будто приклеенной к губам улыбкой внимательно изучал рубец за рубцом и как будто не видел ничего страшного.

– Ага, точно, мой дядька был совсем другое дело.

А затем сменил тему, как перелистывают страницу иллюстрированного журнала.

– Я отвезу вас к вам домой. Ну то есть если вам там понравится, то дом станет вашим. Кстати, можно и другой найти, в ином месте. Это в девяти километрах отсюда, в деревне Авалон. Но я говорю: вам там будет хорошо. Авалон красивый. Подождите, я возьму ваш багаж.

В своем семейном минивэне лейтенант Валант устроил чемоданы Ноэми сзади, рядом с детским креслом. Хотя он старался скрыть возбуждение, но походил на кипящий чайник. Одним вопросом Ноэми дала ему возможность сбросить

сильное давление:

– Вы введете меня в курс дел? Перед приездом я ничего не успела узнать.

А большего и не потребовалось.

– А знаете, у вас теперь все будет по-другому. Комиссариат Деказвила отвечает за пять окружающих его коммун. Обен, Крансак, Фирми, Вивье и Авалон – это где вы будете жить. Общая площадь примерно равна Парижу, но жителей меньше пятнадцати тысяч, тогда как в столице вас больше двух миллионов. Так что представляете, какой простор! Всего сто лиц, помещенных в камеры предварительного заключения за год, тогда как в самой маленькой коммуне Девяносто третьего департамента – более полутора тысяч. Это чтобы вы поняли, есть ли у нас время. И всего сорок восемь полицейских, чтобы следить за всем этим. Это чтобы вы поняли, что нас не так много. Последнее убийство произошло пять лет назад. Ага, у вас теперь все будет по-другому.

Сам того не подозревая, Валант подтвердил все опасения министерства о реальной полезности работы комиссариата. А трогательное простодушие, с которым он вывалил перед Ноэми большую часть того, что она прибыла обнаружить, доказало, в свою очередь, что здесь никто и понятия не имеет о цели ее командировки. Внезапно она безрадостно осознала, что в ближайшие недели ей предстоит лгать всем окружающим. Не стоило бы связываться.

– А сколько тут офицеров? – спросила Ноэми.

– Комиссара у нас нет, службой командует майор. Выходит, он, я и вы: трое. Но офицер с таким послужным списком, как у вас: шесть лет в тридцать шестом, в уголовном розыске, и восемь в бригаде по борьбе с оборотом наркотиков – такого у нас не бывало... Должен признаться, для нас большая честь видеть вас в нашем комиссариате. Мы-то считали себя чуть ли не на скамье подсудимых, а тут нам присылают дополнительный контингент, да еще не абы какой. Это реально добрый знак, который всех успокоит.

– Похоже, вы обо мне все знаете. – Ноэми все труднее было увилывать от прямого разговора.

– Так точно. Я и про ваше лицо знал, эта история наделала шуму среди своих. Но как я вам уже говорил...

– Да-да, ваш дядюшка, шахта, все такое, – прервала она его.

Валант расхохотался – он постоянно смеялся чему-то своему. Ноэми предпочла бы, чтобы он оказался отвратительным...

Автомобиль свернул с национальной трассы, попетлял по окаймленным дубами узким дорогам и прибыл на вершину холма, под которым лежала деревня Авалон, которую Ноэми окинула одним взглядом.

Спокойная гладь озера, а по всему берегу – череда домов, разделенных замшелыми низкими стенами; при каждом домике огород или фруктовый сад. Короткая главная улица ве-

дет от мэрии к храму. Справедливо разделенные закон человеческий и Закон Божий.

– Ну как вам? – с гордостью спросил Валант, радуясь эффекту.

Настоящий городской житель, Ноэми никогда и не помышляла жить на почтовой открытке. Какой-то узелок у нее в животе тихонько ослаб, словно пропала тяжесть. Один узелок из тысячи, что еще предстояло развязать, и все-таки это было начало.

Она хотела бы улыбнуться, но ничто не отразилось на ее лице.

Минивэн тихонько скатился по склону, проехал по главной улице через центральную площадь и спустился на ухоженную грунтовую дорожку, идущую через каштановую рощу. В конце дорожки, после крутого поворота, возник дом из камня и дерева, с огромным окном во всю стену, выходящим на лужайку, которая продолжалась мостками. Озеро овальной формы, с узким берегом, усыпанным галечником и коричневым песком, навевало покой.

Место действительно было великолепное. И в дополнение к неожиданной роскоши, в ее личном распоряжении находился кусок озера. В животе Ноэми стало еще на один узелок меньше.

– Как я уже говорил, если это вам не подходит, есть еще комната для гостей рядом с церковью.

– А что с арендной платой? – встревожилась Ноэми, ко-

торая в Париже никогда не смогла бы снять больше пятидесяти квадратных метров.

– Обсудите с владельцем. Он мой отец. И это не срочно.

– Скажите, Валант, и много у вашего отца такой собственности?

Он провел ладонью по взъерошенным волосам, впервые немного смутившись.

– Пьер Валант – самый крупный землевладелец региона. И еще он мэр Авалона. Так что земли у него полно. И когда говорят: «Валант», чаще всего имеют в виду моего отца. А меня-то лучше звать по имени: Ромен, а то я могу и не обернуться, когда вы меня позовете.

– Хорошо. Передайте ему мою благодарность.

– Давайте уж лучше сами.

Ноэми уловила глубоко укоренившуюся враждебность между двумя мужчинами и убрала эту информацию в ящик «следователь» своего мозга. Зацепка, какой бы она ни была, всегда может пригодиться тому, кто интригует. И сейчас же ей стало стыдно перед этим таким радушным молодым фликом.

– Ладно, судя по размеру ваших чемоданов, полагаю, вы мало что прихватили с собой. Идемте, сейчас откроем и проветрим дом, я покажу вам, где постельное белье и полотенца, дам код Wi-Fi для Интернета и расскажу, как включается котел. Он своенравный, но работает. А потом оставлю вас обустроиваться.

– А что, в комиссариат мы не зайдём? – удивилась она.

– Новый дом, новая деревня, новая служба и новые коллеги, вы что, хотите все сразу? Знаете, здесь надо уметь притормаживать. Странно, до чего плохо парижане сбавляют скорость.

Ноэми посмотрела на озеро, потом сквозь стеклянную стену заглянула в просторную гостиную, где вся мебель была накрыта белыми простынями, – точно маленькие привидения, которых ей предстояло выселить, и сделала вывод, что новый заместитель совершенно прав.

– За домом у вас есть гараж, ключи в машине. Это вы тоже обсудите с отцом. Кроме того, я кое-что прикупил для вас. Основное, чтобы было, с чего начать. Все это в шкафах на кухне. Завтра в девять утра я заеду, чтобы для первого раза показать вам дорогу к комиссариату Деказвилья.

– Если не трудно, лучше в семь. Мне бы хотелось бегло просмотреть все текущие дела – чтобы, прежде чем повстречаться с командой, иметь четкое представление о том, куда я попала.

Похоже, эта не сразу сбросит скорость, подумал Ромен, уже начиная мысленно готовиться к завтрашнему дню. Дочка, школа, все остальное.

* * *

Даже не притронувшись к чемоданам, Ноэми уселась на

мостики и, касаясь босыми ступнями прохладной воды, отдалась долгому созерцанию озера. С удивлением заметив, что стемнело, она достала из сумки свитер, а остальную одежду забросила в шкаф в спальне. Широкая кровать, поставленная на старый неровный пол таким образом, чтобы в окно был виден лес, раскрыла ей свои объятия. Она пощупала ладонью матрас, растянулась на нем с мыслью об ужине и куче всякой другой ерунды и заснула, даже не откинув одеяла.

Около полуночи она внезапно проснулась от душераздирающего крика, горестной жалобы какого-то зверя. Она прислушалась, но все стихло. Тогда она нырнула под одеяло и свернулась калачиком в поисках сна, который потешался над ней до самого рассвета.

Ноэми надеялась оставить свои бессонные ночи в Париже, но и здесь они хранили ей верность.

В шесть часов утра после двух больших кружек кофе Ноэми обошла дом и направилась в гараж. По правде говоря, речь шла, скорее, о простом, незапертом деревянном сарайчике, по балкам которого вился совершенно затянувший его плющ. Войдя, она смахнула огромную паутину, занавесившую выключатель. Пыльная лампочка выдала лишь слабое свечение, в котором смутно вырисовывался силуэт машины, покрытой чехлом. Стянув его, она обнаружила кроссовер «лендровер» с шинами в дорожной грязи, но явно в хорошем состоянии. Тачка для лесоруба, сломать невозможно, припарковать в городе – тоже.

Ключи действительно лежали на приборной доске, двигатель завелся, будто только ее и ждал. Она проверила дворники, затем фары, которые тут же залили хибарку светом. Через ветровое стекло она заметила на стеллаже картонную коробку с наваленными в нее игрушками и прицепленной к ней серебристой звездой шерифа.

Ноэми вышла из машины, чтобы рассмотреть поближе. Несколько пластмассовых солдатиков, старые гоночные машинки и под всем этим, в самом низу, деревянная рамка с черно-белой фотографией. Сидящий на спиленном стволе мужчина лет сорока, с охотничьим ружьем на перевязи, а рядом с ним улыбающийся во весь рот мальчонка – упе-

рев кулаки в бока, с приколотой к рубашке звездой шерифа, он буквально светился от гордости, что стоит рядом с тем, кто, похоже, приходился ему отцом. Ошибиться невозможно: несмотря на детскость черт, с фотографии улыбался Ромен. Ноэми снова убрала все в коробку и поставила на место, испытывая легкое чувство неловкости оттого, что покопалась в личной жизни своего нового заместителя.

Ромен появился с совершенно полицейской исполнительностью, даже на десять минут раньше назначенного времени. Он припарковал минивэн и нашел своего нового капитана, который хлопотал в гостиной, выводя дом из оцепенения. Он вежливо постучал в приоткрытое окно:

– Ну и как вам первый вечер в деревне? Тишина не слишком вас смутила? Вы хорошо спали?

Ноэми скинула со старого дивана коричневой кожи последний чехол.

– Этот вопрос мне лучше не задавать. Во всяком случае, пока. Я провожу ночи, как правонарушитель в бегах.

Не дожидаясь его реакции, она подхватила со стола ключи от внедорожника и одновременно надела пальто; ей не терпелось начать этот день, забыть о той женщине, которой она не хотела быть, и наконец снова стать полицейским. В лучах рассветного солнца рыжие вихры Ноэми приобрели медный отлив, и Ромен впервые заметил на ее правом виске серебряную прядь.

– Если хотите, проедем через Фирми, – предложил он.

Ноэми не удержалась от раздраженного вздоха:

– Я прекрасно вижу, как вы стараетесь, и обещаю, что все оценю, но я еще успею посетить все шесть наших коммун. А сейчас единственное, чего мне бы хотелось, это заступить на службу.

– О'кей, понимаю, – развеселился Ромен. – А если я добавлю труп? Это вас больше мотивирует?

– Нашли мое слабое место?

* * *

Полицейская машина была уже там. Она стояла перед узким, высоким, слегка покосившимся домиком, напоминающим криво вбитый в холм гвоздь. Перестроенный из бывшей голубятни, этот дом был невероятно тесным, и все его помещения: прихожая, гостиная, кухня и спальня – громоздились друг на друге, как детали детского конструктора.

Ромен похлопал по капоту автомобиля и разбудил одного из полицейских; второй, углубившийся в свой мобильник, вздрогнул от неожиданности. Оба поспешно выбрались из тачки и приступили к знакомству.

– Капитан Шастен, позвольте представить вам капрала Буске, перебежчика из марсельской бригады по борьбе с оборотом наркотиков; служит здесь уже шесть лет.

Предмет обсуждения, еще не совсем проснувшийся, ис-

точал здоровье и добродушие, чего ничуть не опровергло его вялое рукопожатие.

– А вот рядовой Солиньяк, исконно местного производства, родился и учился в Деказвиле. Знаком почти со всеми семействами наших коммун. Между нами, у него прозвище Милк¹⁵.

– Мое почтение, капитан. Добро пожаловать.

Если бы не пистолет в кобуре, Солиньяка нельзя было бы принять не только за полицейского, но даже за совершеннолетнего парня. Казалось, этот мальчишка только что оторвался от материнской груди, так что прозвище Милк подходило ему как нельзя лучше.

– Вместе со мной, – продолжал Валант, – перед вами Опорный пункт охраны правопорядка¹⁶ в полном составе.

Накануне лейтенант предупредил сослуживцев о ригоризме нового офицера и, разумеется, о лице. И если сегодня они старались вести себя корректно, то делали это чересчур усердно. Опасаясь глянуть куда не надо и не суметь ответить взгляд, Буске упорно смотрел Ноэми прямо в глаза; зато Милк пристально рассматривал носки своих ботинок, словно впервые их видел. Игра казалась посредственной, но их усилия были достойны похвалы.

¹⁵ Milk (*англ.*) – молоко.

¹⁶ GAJ: Groupe d'appui judiciaire (*фр.* Опорная судебная группа) – объединяет полицейских, занятых расследованиями в одном комиссариате. (*Примеч. автора.*)

– Заходим, – скомандовала Ноэми. – Перчатки есть?

– Вообще-то, это не потребуется, мы с Милком уже обнаружили убийцу. Это пробки, – прихвастнул Буске.

Не обращая внимания на трупный запах и первых мух, стоя на коленях перед винтовой лестницей, соединяющей все три этажа, Ноэми скрупулезно осматривала труп. Подбородок опущен к левому плечу, рот полуоткрыт, на губах застывшая желтоватая пена... Ладони намертво вцепились в рычаг застрявшего между этажами подъемника для инвалидного кресла. Остекленевшие глаза почти столетней жертвы смотрели в сторону домофона, стоявшего на накрытом салфеткой круглом одноногом столике, всего в двух метрах от покойника. На его лице запечатлелись тревога и отчаяние.

Как горько ощущать свое бессилие, немощность тела и духа, когда знаешь, как глупо тебе предстоит умереть. Ноэми задумалась о тех днях и ночах, когда он, запертый в своем одиночестве, надеялся на чей-нибудь приход. Да, почтальон пришел, но слишком поздно, и связался с комиссариатом: подобные мрачные находки стали для него почти привычными.

Позади Ноэми группа с любопытством следила за офицером в деле. Буске рискнул повторить свои выводы:

– Да точно, пробки выбило. Электричества нет, вот его там и зажало. Вызвать пожарных?

– И не только. Может, есть соседи, которые могли заме-

тить какого-нибудь бродягу?

– Не ближе чем в пяти километрах отсюда. Семья Кроз, – сообщил Милк. – Владельцы пекарни в Фирми.

– Хорошо, пригласите их на допрос сегодня после обеда. Вызовите криминалистов для снятия отпечатков на счетчике и приводе кресла-подъемника. Определите серийный номер, чтобы проконсультроваться с производителем, – пусть пришлет специалиста. Свяжитесь с каким-нибудь родственником, пусть придет и проверит, не пропало ли что-то из дома. Я займусь наружным осмотром, чтобы исключить взлом, и печатаваем халупу.

Пораженные количеством заданий, которые представлялись им совершенно бесполезными, Милк и Буске переглянулись, а затем уставились на лейтенанта Валанта, который, по их понятиям, еще не передал власть капитану. Безвольно пожав плечами, Ромен подтвердил приказания. Оставшись наедине с Ноэми, он все же попытался умерить ее пыл:

– Капитан, понимаете, это точно несчастный случай.

– Я прекрасно знаю, что это несчастный случай. Или вы думаете, что мне повсюду мерещатся убийства? Я делаю необходимый минимум и стараюсь избежать неприятностей для нас. Не более.

Она внимательно осмотрела окна одно за другим, обошла дом сзади и поискала следы на рыхлой земле; затем, завершив обход, оказалась в метре от Буске. Тот кому-то звонил, стоя спиной к ней, напротив сидящего на капоте машины

Милка. По-видимому, ожидая ответа абонента, Буске прикрыл ладонью микрофон мобильного и воскликнул:

– Твою мать, Милк, как тебе ее видок? Девчонки с такими рожами, должно быть, постоянно рыдают! Ну, я бы ее ни за что не трахнул даже твоим членом!

Капрал уже собрался было заржать, но смех застрял у него в горле, когда он увидел вылезшие из орбит глаза напарника. Буске обернулся, увидел Ноэми и оторопел. Исполненная достоинства, та даже не рассердилась. Беглый презрительный взгляд, и все.

– Вы с Милком дождетесь здесь пожарных и криминалистов. Встречаемся в конторе.

Парни виновато вытянулись во фронт: «Есть, капитан».

Сжав челюсти, Ноэми забралась в минивэн и сгорбилась на пассажирском сиденье. Ей удалось быстро справиться с комом в горле. По правде говоря, нет никакой разницы между «знать» и «услышать». Буске всего лишь произнес вслух то, что у всех на уме. Она должна с этим смириться. Ее заместитель сел в кабину, однако не для того, чтобы тронуться с места.

– Капитан?

– Да?

– Вы в моей машине. Ваш внедорожник позади нее.

В зеркале дальнего вида она увидела солидный «лендрровер».

Выходит, шеф был прав? Она не готова...

Спустя ровно двадцать четыре часа после прибытия на вокзал и первого шага по земле Аверона Ноэми наконец оказалась в комиссариате Деказвила. Двухэтажное краснокирпичное здание, ведущая ко входу лестница в три ступеньки. Тихое место, покой которого тревожила лишь близлежащая школа на переменах между уроками. Однако вокруг явно проступали признаки всеобщей спячки. Слева сохранял следы бывшего величия заброшенный отель с выбитыми стеклами. Справа на фронтоне кинотеатра с заклеенными газетами стеклянными дверями виднелось расписание сеансов фильма «Смертельное оружие – 2»¹⁷, что точнее любой аутопсии позволяло определить дату его закрытия. Ромен заметил, что Ноэми очевидно разочарована.

– Я знаю, о чем вы думаете. Но все наоборот. Наши коммуны вовсе не угасают, они пробуждаются. Надо только дать им время. На долину имеются обширные планы, но мой отец, пожалуй, расскажет вам об этом лучше, чем я.

– Потому что?..

– Потому что он мэр Авалона, – уже во второй раз сообщил Ромен.

– Ах, простите, у меня вылетело из головы.

¹⁷ «Смертельное оружие – 2» (англ. «Lethal Weapon 2») – художественный кинофильм Ричарда Доннера, снятый в США в 1989 году. Популярный детектив.

«Фокус, Ноэми, держи фокус!» – поднимаясь на крыльцо комиссариата, мысленно приказала она себе, чтобы сосредоточиться.

Лейтенант Валант постучал в дверь кабинета, а сам остался на пороге. Ноэми увидела, что начальник стоит возле окна и глядит вдаль. Майор даже не потрудился обернуться. Возможно, чтобы произвести впечатление или же попросту показать, что появление какого-то парижского полицейского для него не событие. Впрочем, он продолжил разговор, начатый, очевидно, раньше:

– Вам известно, что они обосновались в двух улицах отсюда? Прямо напротив нас. Мне отсюда видны их тачки последней модели.

– Кто?

– Да жандармы, черт возьми! Однако, когда они узнают, им придется разочароваться. Прибытие нового офицера в наши края доказывает, что министерство по-прежнему оказывает нам доверие. Хотел бы я взглянуть на их физиономии.

Тут он наконец развернулся и, не чинясь, медленно рассмотрел ее.

– Нда... Этот парень не промахнулся, – в заключение осмотра изрек он. – Но у меня тут не модельное агентство, так что все в порядке. Думаю, именно по этой причине вы оказались здесь. Нечто вроде отпуска после болезни. Побли-

же к природе.

– Можно и так сказать, – согласилась Ноэми.

Ей не показались неприятными его манеры, поскольку хороших в запасе явно не имелось. Каждый реагирует как может, более или менее пристойно, более или менее изворотливо, удивленно, болезненно или с искренним отвращением. Половина ее лица напоролась на мину: это ее проблема, и больше ничья. Она не могла ждать от каждого встречного адекватной реакции.

– Я майор Роз, если вам еще не сказали. Судя по вашему званию, вы должны стать моим заместителем, но я прекрасно и без вас управляюсь в лавке. Так что по документам мы с вами вместе руководим комиссариатом, а по факту вы отныне командуете пунктом охраны правопорядка. Вы там развлечетесь больше, чем следя за старым полицейским, который поджидает отставки, стараясь оставить место в таком же порядке, в каком его принял. Вдобавок, если вы постоянно будете ходить за мной по пятам, у меня сложится впечатление, что меня преследует служащий похоронного бюро, чтобы снять мерки для изготовления гроба. Так что оставляю на вас ведение расследований, а за собой сохраняю горстку дежурных подчиненных.

Ноэми предпочла играть в открытую.

– Я не прошла испытание по стрельбе.

– Знаю, – бросил он, пожав плечами.

– Я физически не гожусь для работы на местности.

– Тоже знаю.

– Я могу случайно подвергнуть коллег опасности.

– Именно так, как мне кажется, считает ваше руководство.

Мне и это известно. Но я же не полный идиот. Я прекрасно понимаю, что из *Бастииона* мне не пришлют парижского офицера в полной исправности. Я подозревал, что имеется какой-то скрытый порок.

– Скрытый? Не совсем. Скорей... явный, я бы сказала.

Роз оценил ее самоиронию. Впрочем, он ошибся: то, что он счел принятием, представляло собой обыкновенную систему самозащиты.

– Рискаю обмануть ваши надежды относительно новой должности, доведу до вашего сведения, что последнее убийство в наших краях имеет пятилетний срок давности, а применить оружие в последний раз мне пришлось четыре года назад. Если и есть на земле место, способное восстановить вас, то оно точно находится здесь. Что касается оружия, то вы уже большая девочка, так что договоримся, что вы сами примете решение, когда снова станете его носить.

От ободряющего отеческого тона майора у Ноэми создалось приятное ощущение, что она опять, как в детстве, стоит перед взрослым, который говорит ей: «Теперь я сам обо всем позабочусь, а ты просто закрой глазки». Но как подobaет отцу, решения Роз тоже принимал единолично:

– Что касается Лебеля, я приказал все отменить. Это решительно бесполезно.

– Лебель – это кто? – не поняла она.

– Тот старик, которого зажало между этажами. Вы потребовали чересчур много судебных действий. Лебель – бывший архитектор. Ему так и не удалось спроектировать что-то путное, и вдобавок не удалось ничего сделать хорошо. Кособокая голубятня, в которой он жил, стала его последним проектом. У него нет ни семьи, чтобы наследовать ему, ни завидных богатств и уж тем более врагов, которых можно было бы опасаться. Так что нет никакого повода предполагать нападение. Не стоит вызывать экспертов по части электрических подъемников, а также техников для снятия отпечатков только для того, чтобы констатировать банальный несчастный случай.

Ноэми уже собралась возразить, но передумала, решив не перечить новому патрону в первый же день. Роз удобно устроился в кресле, и она явственно ощутила, как тот подбирает слова, чтобы ее не обидеть:

– Понимаете, у вас там, в Париже, все по-научному. Отпечатки, камеры наблюдения, телефонная прослушка, геолокации, дроны, ДНК да баллистика. Будто это не полиция, а научная лаборатория. А все потому, что вы никого не знаете: ни виновных, ни жертв. А следовательно, поневоле ищите не там. Мы же здесь всегда начинаем с человека, потому что мы его знаем. Когда мы кого-нибудь задерживаем, то это зачастую сосед, иногда даже кузен или дядя, но почти всегда кто-то из тех, с кем мы постоянно общаемся. Нам известны его

привычки, его окружение, его тайны, мы знаем его машину и адрес, знакомы с первой любовью, мы в курсе, к какой семье он испытывает неприязнь и почему. И я уверяю вас, что никто не стал бы специально выбивать пробки в старой халупе Лебеля, чтобы поймать его в ловушку на лестнице.

Однако, несмотря на логичность объяснения, Ноэми не собиралась так легко сдаваться:

– Я полагала, что вы займетесь личным составом, а я – расследованием?

Роз едва заметно улыбнулся. Шастен оказалась упрямой и въедливой, короче, занудой, и уже очень ему нравилась:

– Тогда предположим, что вы начнете завтра. Я в курсе, что отец Ромена вполне достойно вас принял. Так что пока обживайтесь в доме или посетите остальные пять наших коммун. Знать свой округ – вот что основное. Уговорите себя, что вы уже работаете, если это избавит от чувства вины.

А поскольку со вчерашнего дня все, кажется, только и мечтали, чтобы она занялась туризмом, Ноэми подчинилась и удалилась.

На служебной парковке комиссариата она столкнулась с Буске и Милком. Оба сразу смутились. Мальчишка-полицейский юркнул внутрь, а Буске принялся извиваться ужом, пытаясь как-то спасти положение.

– То, что произошло... Что я сказал...

Ноэми прервала его, чтобы не выслушивать жалких изви-

нений:

– Чтобы между нами не было никаких недоразумений, капрал. То, что вы полный кретин, меня не слишком беспокоит. Поскольку вы хороший флик. Вы уже виртуозно заработали значок «полный кретин». Мои поздравления. Даю вам возможность получить следующий.

И она оставила его в полной растерянности, напоследок послав ему неслабый апперкот.

Деказвиль, Обен, Крансак, Фирми и Вивье. Ноэми потратила меньше получаса, чтобы объехать все и вернуться в Авалон, последнюю из шести коммун. Она решила прокатиться вокруг озера, величины которого не смогла оценить со своих мостков.

Берега тянулись между двумя долинами, а затем терялись в лесу. Дорога быстро пошла в гору, оставляя озеро под головокружительным уклоном все дальше и дальше вниз. За неожиданным крутым поворотом Ноэми увидела обсаженный деревьями участок земли. Прямо перед ней возвышалась внушительная бетонная стена, берущая свое начало сто тринадцатью метрами ниже.

Авалонская плотина.

Она пересекала озеро по всей ширине – так бестактно прерывают разговор на полуслове. По одну сторону низвергались в пропасть миллионы кубических метров воды, а по другую дремала спокойная река. «Сантинель»¹⁸, – прочла Ноэми в GPS.

Тут она поняла, что Авалонское озеро – это творение человеческих рук, гигантская фабрика по производству электричества. Ноэми выбралась из автомобиля и подошла поближе к гидроэлектростанции. Вцепившись ладонями в хо-

¹⁸ La Sentinelle (фр.) – Стражница, Дозорная и т. д.

лодный металл и свесившись над пустотой, она осторожно перегнулась через парапет. Растущие далеко внизу высоченные ели отсюда казались комнатными растениями. Почувствовав головокружение, она преодолела его усилием воли, но тут внезапный телефонный звонок заставил ее вздрогнуть и отпрянуть от пропасти.

– Мадам Мерсье, у вас все в порядке?

В шестистах километрах отсюда ее старая, почти слепая соседка совершенно неведомым образом справилась с телефонным аппаратом и набрала ее номер.

– Деточка, я потеряла ключ от вашего почтового ящика.

– И очень кстати, у меня нет никакого желания получать новости из Парижа.

– Значит, ничего не рассказывать о вашем мсье?

Адриэль. У него есть дубликат ключей от квартиры. Вот черт.

– Непременно расскажите, – нахмурилась Ноэми.

– Это было сразу после вашего отъезда. Я следила за ним до самой вашей двери. Выглядел он сильно раздосадованным.

– Он что-то вынес из квартиры?

– Нет. Я думаю, он пришел повидать вас. Разве можно вот так оставлять мальчиков. Когда их так оставляют, они могут наделать глупостей. Впрочем, он все равно очень приятный.

Ноэми не отличалась жестокостью, но ей бы очень хотелось в ту минуту оказаться там, лицом к лицу с Адриэлем,

чтобы посмотреть, сколько пригоршней азиатских шершней она могла бы затолкать ему в глотку.

– Да, он очень приятный парень. Но если он снова появится, заберите у него ключи и положите их вместе с ключом от почтового ящика.

– Я его потеряла.

– Вот и отлично.

Ночь была населена зверьем.

Прежде всего, ее кот. Огромный – его голова занимала все пространство входа в комиссариат, каждый глаз смотрел в отдельное окно, хвост торчал из развороченной крыши и разгонял первые облака, когтистые лапы прочно стояли в коридорах, а от его мурлыканья дрожали и позвякивали стекла.

Затем пробуждение, в полном смятении чувств. Опять то же душераздирающее завывание, острое, как осколки стекла. Нечеловеческое – в этом Ноэми была уверена. Она в льняных пижамных штанах стояла перед широким окном, изо всех сил напрягая слух и пытаясь взглядом пронзить тьму, но, как и накануне, крик послышался всего один раз... если он вообще был реальным.

Ночь пропала, нечего было даже пытаться уснуть снова. Нанизанные одна за другой, как четки, минуты украденного сна не составляли даже трех полных часов. Придется этим удовольствоваться.

Она дождалась восхода солнца, поставила кружку с кофе перед монитором компьютера и, когда наконец появился Мельхиор, кратко изложила ему события двух последних суток.

Разумеется, сильнее всего его заинтересовало сновидение:

– Мне представляется, что вы их несколько потеснили. Образ вас самой, занимающей все пространство комиссариата и даже проломившей потолок, очень показателен. Кого же вы там нахлобучили? Своих подчиненных или начальство?

– Если честно, то практически всех. Я резкая, агрессивная и достаточно упрямая.

– Вы и прежде такой были?

– Вероятно, да, но не настолько. Мне смертельно скучно. Это не деревня, а просто настоящая дыра с почтовым индексом. Не припомню, чтобы я хоть раз улыбнулась с тех пор, как прибыла сюда.

– Очень жаль, улыбка освещает ваше лицо.

– Я его хорошо прячу.

Док не скрыл огорчения.

– Как же вы ошибаетесь... А вы задумывались о функции лица? Поняли, что оно есть отражение наших чувств? На нем можно прочесть печаль, радость, опасения, вопросы, боль – и наслаждение. Словом, оно выражает двадцать и одно чувство, двадцать и одно сообщение, которое вы посылаете другому человеку.

– И даже больше, если учесть ту микроимику, которую любой хороший флик отслеживает во время допроса, – добавила Ноэми.

– Вы превосходно владеете темой, отлично. Так что продолжим. Слепой от рождения не способен использовать этот способ мимического общения. Просто потому, что у него нет

опыта визуального взаимодействия. Для самого человека выражение его лица не имеет значения, это всего лишь информация, которой он делится с теми, кто стремится его понять. Лицо представляет один из редких участков нашего тела, который мы не можем увидеть без зеркала. Зато это первое, на что обычно смотрят. Оно целиком для другого человека. Это также единственный участок, который задействует все пять чувств. Он полностью открыт миру. А вы хотели бы скрывать его?

– Предположим, тут дело в страхе – как у начинающей актрисы, которая не выучила текст.

Мельхиор искренне рассмеялся:

– Занятная метафора. Выходит, вы что, собираетесь дожидаться, когда снова станете хорошенькой, чтобы показаться? Разве вы полагаете, что принятие себя зависит от красоты? Вы знакомы со статистикой самоубийств в мире модельного бизнеса? Она поразительна. Некоторые манекенщицы несравненно хороши, но несчастны, в то время как другие вполне заурядны и при этом совершенно счастливы. Хотя мы все должны были бы считать себя великолепными. Мы все должны были бы любить себя, не ожидая, когда нас полюбят другие. Вам ведь наверняка известно, что мы очень скудно используем возможности нашего мозга?

– Самое большее – приблизительно на десять процентов.

– Точно. Однако особенно огорчительный факт заключается в том, что мы – это «мы» всего лишь на тридцать про-

центов. Кто-то на десять, другие на сорок... но полностью – никогда. Мы носим в себе свои раны, тайны, комплексы – и все это не позволяет нам быть цельными, быть совершенными. На Земле почти восемь миллиардов человек, и Господь, если вы в него верите, каждому дал свое лицо, особенное, как код ДНК. Стоит по достоинству оценить его усилия, он сделал большую работу, но вывод таков, что ваше лицо среди восьми миллиардов других – это именно ваше лицо, и вам его не изменить. А теперь вы будете двигаться вперед либо останетесь топтаться на месте.

Ошеломленная, Ноэми выпрямилась на старом кожаном диване:

– Нельзя ли вас попросить во время следующих сеансов быть не таким резким?

– Если вы одарите меня улыбкой, договоримся.

– Посмотрим.

И Ноэми прервала связь.

Миновала первая неделя, неторопливая, как дрейфующий континент. Различные правонарушения вроде порчи личного имущества, украденной зерноуборочной машины, разумеется найденной спустя час после преступления ввиду размера добычи. Успешная работа Буске, бывшего сотрудника бригады по борьбе с оборотом наркотиков, который нашел целое поле конопли, но, к сожалению, не поймал его владельца; пара-тройка пьянчужек, оставленных в камере до протрезвления, и тяжкий груз глубокой тоски, что с каждым днем все сильнее наваливалась на капитана. Ноэми не покидало ощущение, что она работает вхолостую. И когда из коридора до нее донеслось слово «исчезновение», она выскочила из кабинета, как чертик из коробки. Она буквально на лету поймала Ромена Валанта, когда тот записывал первые сведения со слов дежурного патруля, и обрушила на него поток нетерпеливых вопросов:

– Кто жертва? Сколько времени прошло после исчезновения? Вы предполагаете облаву? У вас для этого есть обученные собаки?

Под этим напором он уже почти жаждал трагедии, чтобы суметь удовлетворить полицейские аппетиты своего офицера. Стодило бы все, что угодно: серийный убийца из детектива, эко-террористы, даже метеорит на деревенской площа-

ди.

– Мне очень жаль, капитан, но это всего лишь мадам Сольнье. Девяноста лет от роду. Она сбегает раз в неделю – ничего необычного. Мы незамедлительно обнаружим беглянку в одном из ее излюбленных местечек. В бывшем кинотеатре или в деказвильской медиатеке, на берегу Авалонского озера или на Вольфовой горке в Фирми.

– А какая связь между всеми этими местами?

– Пока не определили... Думаем. Прежде чем пускать в ход тяжелую артиллерию, предлагаю начать с этих мест. Хотя, вообще-то, решать вам.

Плечи Ноэми опустились так скорбно, как у ребенка, которого лишили праздника.

– Нет, вы правы, – сдалась она. – Поступим, как вы предлагаете. Распределяйте силы.

Таким образом, Милк и Буске получили кинозал, медиатеку и озеро, а Ноэми и Валанту предстояло бурить Вольфову горку.

– Вы поведете? – предложил он.

– Нет, мне не хочется.

Только усевшись за руль, Ромен осознал, что именно на пассажирском месте она оказывается к нему тем единственным профилем, который ей не отвратителен.

Через двадцать долгих минут, без sireны и мигалки, они прибыли к месту назначения, пропуская поворачивающихся

справа водителей, останавливаясь под красным светофором и соблюдая ограничение скорости. Настоящая мука для капитана Шастен. Они припарковались возле водоема, прямо у подножия горы. Валант достал бинокль, внимательно осмотрел вершину и включил рацию.

– Все в порядке. Я ее вижу, – сообщил он другому экипажу.

– На самом верху? – спросил Милк.

– Ага. На самом верху.

– В таком случае удачного восхождения.

Вольфова горка не отличалась особой высотой, да никто и горой-то ее назвать не мог, однако склоны она имела опасно крутые. Жесткая трава землистого оттенка и поросшие темно-зеленым папоротником-ужовником уступы; враждебный для растительности камень, острый и вылезавший отовсюду мерзким минеральным прыщом по всей высоте каких-то четырехсот девяноста метров над уровнем моря. Опасная и негостеприимная природа, создавшая этот нервный и неровный рельеф, мгновенно пленила Ноэми. А над всем этим – белый призрачный силуэт, который, казалось, танцевал на вершине.

– Вот черт, она в отличной форме! – удивилась Шастен, которая на полпути уже задыхалась.

– Сольнье? Да она неутомимая!

– А кто-нибудь знает, что ее туда привлекает?

– По правде сказать, я даже не больно-то уверен, что ста-

руха на самом деле понимает, где она находится и уж тем более что она там делает.

Когда полицейские добрались до нее, пожилая дама направилась навстречу Валанту и прошла опасно близко к краю пропасти, образовавшейся между двумя некогда составлявшими единое целое скалами, на несколько метров вросшими в землю.

– Малыш Ромен! – приветствовала она лейтенанта. – Печальный мальчик. И зачем же ты пришел сюда?

Валант поспешил подойти к ней, чтобы взять за руку и не допустить случайного падения, опасности которого она даже не осознавала. Благодаря старческому слабоумию мадам Сольнье сильно выигрывала в уверенности, подобно детям, полагая себя бессмертной.

– Я тут бродил с подругой, – продолжал Валант, – и, увидев вас, подумал, как хорошо было бы воспользоваться нашей встречей, чтобы вместе вернуться домой. Мы на машине.

– А вы в ночной рубашке, – добавила Ноэми.

Старушка взглянула на облегающую ее тщедушное тело тонкую ткань в цветочек, будто увидела ее впервые.

– Давайте, – только и соблаговолила бросить в ответ Сольнье.

Пестрая компания, состоящая из флика, фрика и буки, приступила к спуску с Вольфовой горки, оставив позади себя расщелину, возле которой заблудилась Сольнье. На дне этой

пропасти, под зарослями колючего дрока – единственного растения, что выжило на пятнистой скале, стоял небольшой полусгнивший деревянный крест, скрываемый как тяжкая тайна.

Ромен Валант выщелкнул заряженную обойму и убрал оружие в сейф, находящийся у него в шкафу. Имея в доме дочурку-исследовательницу, он ни в коем случае не хотел рисковать. Он никак не мог забыть леденящее душу происшествие, случившееся недавно совсем неподалеку. Рождество. Семья. Мальчонка. Ружье. У него перед глазами так и стояла картина: в гостиной наряженная елка, иллюминация, соперничающая с мигалками пожарных, пытающихся реанимировать ребенка. Впустую... А назавтра останутся все эти красиво упакованные подарки, которые никто никогда не развернет.

Владельцы оружия в три раза чаще рискуют кого-то убить или быть убитыми. Он запер сейф и набрал код безопасности.

Ромен прошел через гостиную, взъерошил волосы дочурки, сидящей перед камином и упершейся подошвами туфелек в решетку. Она была погружена в чтение такого толстого приключенческого романа, что с трудом удерживала книгу в руках.

Амината вышла из кухни с горячим блюдом и поставила его на стол. Разное меню каждый вечер, при этом даже не надо готовить – преимущество работы официанткой в ресторане «Форт» в соседней коммуне Обен. Ромен поймал ее ру-

ку и поцеловал. Его белая кожа на черной коже жены десять лет назад дала жизнь Лили, ребенку цвета карамели с глазами цвета лаванды. Впрочем, их браку удалось внести раздор между Роменом и его отцом, поскольку тот не жаловал смешения цветов, и даже появление Лили абсолютно ничего не изменило. С тех пор нога Пьера Валанта никогда не ступала в их дом, а сам он демонстративно шумно вздыхал, когда Ромен заводил речь о своем семействе. Таким образом, мужчины старались пересекаться как можно реже, и слова «отец» и «сын» практически исчезли из их речи. Пьер относился к сыну как к флику, а Ромен видел в отце только мэра Авалона. Все остальное упокоилось в области воспоминаний.

В прошлом остались совместные выезды на охоту. Приколотая к картонной коробке звезда шерифа. А фамильный дом возле озера слишком сильно скорбел по усопшей мадам Валант, от которой осталась лишь фотокарточка в рамке – совершенно одинаковая у каждого из мужчин.

– Ну и что потом? Она смягчилась? – спросила Амината.

– Я бы сказал, скорей, смирилась.

– И что, она осваивается в деревне?

– Как бы не так! – усмехнулся он. – Ей все еще кажется, что она в городе. Запирает на два оборота дом на озере, закрывает дверцы машины, если отходит хоть на пару метров, и ради мельчайшего расследования готова отправиться в крестовый поход. У меня впечатление, будто я работаю с миной замедленного действия. Я знаю, что она вот-вот взо-

рвется, только мне неизвестно, когда именно. Но вот странно, это-то как раз меня не беспокоит.

Привлеченная распространившимся по гостиной дивным ароматом, Лили оставила свои приключения и устроилась за столом. Алиго – картофельное пюре, запеченное с расплавленным сыром «том» и приправленное чесноком, было подано с куском толстой и сочной колбасы. Снаружи по черепичной крыше скребли ветки, словно им тоже хотелось разделить трапезу с хозяевами дома.

– Мне кажется, у нее случаются провалы в памяти, – продолжал Ромен. – Забывчивость. У нее не все запечатлевается. Иногда я ощущаю, что она теряет над собой контроль. Мне даже кажется, что ее раздражительность сильнее ее самой.

– Значит, ты должен стать ее костылем. Подпоркой. Не позволяй больше никому прознать про ее слабости. Защищай ее. Ведь именно это делает помощник, верно?

– Да, именно это делает помощник. Что тут скажешь, я исполняю роль заплатки.

– Наверное, она ужасно страдает, – огорчилась Амината.

– Не думаю. Во всяком случае, она этого не показывает.

– Идиот, она страдает в душе.

Увидев, каким дурацким стало лицо ее папы, Лили громко расхохоталась, а потом, справившись со своей горькой пюре, как само собой разумеющееся, предложила:

– Пригласи ее в гости. Она ведь там одна-одинешенька.

– Я подумаю, – заверил несколько смущенный Ромен.

– Она красавица? – поинтересовалась малышка.

– Ты знаешь, какая она. Я тебе рассказывал.

– Ну и что? Когда я свалилась с велосипеда и ободрала щеку, ты все равно говорил, что я красавица.

– Ладно, согласен, – уступил папа. – Она такая красавица, как будто раз десять свалилась с велосипеда.

– Так ты ее пригласишь, да?

– Ешь, или я тебя съем!

– Как Людоед из Мальбуша? Который кушает детей, даже не жуя их?

– Он самый, мадемуазель.

* * *

Ноэми допивала чай на опушке каштановой рощи, удобно устроившись на наклонном стволе изогнутого дерева, поросшего мхом. Надев шерстяной свитер, она старалась мыслить позитивно, как советовал доктор Мельхиор, пыталась забыть о внешности или скрытых причинах своей миссии, отвлечься от раздумий о том, что вскоре ей предстоит совершить злое дело, закрыв здешний комиссариат. Позади нее в наступающую темноту светили окна дома.

Вдруг ей послышалось, будто кто-то ворошит листву деревьев, раздвигает ветки, чтобы пройти. Она прочно уперлась ступнями в землю и слегка согнула ноги в коленях, уже

готовая бежать от волка, медведя, Жеводанского зверя¹⁹ или любого другого фантазма истинной парижанки. Но это оказался всего лишь что-то вынюхивающий беспородный пес. Черный пес с белым брюхом, в роду которого много поколений подряд смешивались и перемешивались разные породы. Он направлялся вдоль озера в ее сторону, но все время держался на расстоянии, оставаясь на краю леса. Ноэми расслабилась и снова устроилась на поваленном стволе.

– Ну, привет тебе. Так это ты так шумишь по ночам?

Пес стал подходить все ближе, сантиметр за сантиметром. Теперь она смогла получше рассмотреть его. Язык нелепо свешивался набок из-за явно вывихнутой челюсти, а левый глаз непрерывно слезился. Поскольку одна из лап была повреждена, передвигался он враскачку и притом прихрамывал.

– Похоже, ты драчун, да?

Она слышала его хриплое дыхание и теперь уже почти могла прикоснуться к нему.

– Во всяком случае, ты в паршивом состоянии. Мы можем

¹⁹ *Жеводанский зверь* (фр. La Bête du Gévaudan, окситан. La Bèstia de Gavaudan) – прозвище волкоподобного существа, зверя-людоеда, который охотился на севере французской провинции Жеводан (ныне департамент Лозер), а именно рядом с селением в Маржеридских горах, в 1764–1767 годах. За три года было совершено до 250 нападений на людей, 119 закончились смертью. Согласно другим источникам, произошло от 88 до 124 нападений. Об уничтожении зверя объявляли несколько раз, а споры о его природе не завершились даже с прекращением нападений. История Жеводанского зверя считается одной из самых известных загадок Франции, наряду, например, с легендой о Железной Маске.

стать друзьями.

Наконец Ноэми положила ладонь на собачий бок и легонько погладила его. Мысленно она уже проводила ревизию в своих шкафах в поисках куска чего-нибудь, чем можно угостить вечернего визитера, когда вдали вдруг прозвучал громкий свист. Пес повел ушами, все его тело мгновенно напряглось, и он рванул на зов с такой скоростью, какую только могла позволить ему ненадежная лапа; очень скоро лес поглотил его.

– Рада была познакомиться.

Ноэми была знакома с хозяином дома только через его сына, и хотя Ромен никогда не говорил об отце ничего плохого, его молчание и горестный взгляд свидетельствовали о многом. Так что, когда Пьер Валант сам нанес ей визит в дом на озере, она была удивлена его приветливостью.

В длинном темно-зеленом пальто он почти сливался с окружающей природой, словно бы не желая нарушать ее, и Ноэми тотчас заметила, что у Ромена отцовские глаза.

– Возможно, первые десять дней показались вам чересчур длинными, – начал он, – однако это время, нужное, чтобы привыкнуть и войти в ритм. И, кроме того, вы, возможно, даже не заметите, но пройдет целый месяц, потом год – и вы уже не сможете вообразить себя живущей где-то в другом месте. Вы даже задумаетесь, как могли так долго оставаться в Париже, в квартире размером с кроличью клетку.

Поскольку была затронута тема жилья, Ноэми очень быстро перешла к серьезным вещам: логистическим вопросам, слишком долго остававшимся в подвешенном состоянии.

– Что касается платы за жилье... – начала она.

Старший Валант мгновенно уладил проблему:

– Скажем, в качестве платы за жилье я прошу вас поддерживать дом в нормальном состоянии. Согласны?

– Я бы с удовольствием, но, к сожалению, нельзя ничего

дарить полицейскому, очень скоро это становится двусмысленностью. Граница между великодушием и субординацией – дело тонкое. Если однажды мне придется арестовать вас, я буду испытывать определенную неловкость и сомнения.

Он поморщился, однако очень тонко уловил холодный юмор и манеру поведения капитана полиции. Глыба льда, которую невозможно заставить улыбнуться. И тогда они сговорились о цене, столь смехотворной, что это больше напоминало подарок. Но аренда студии в городе всяко дороже аренды дома в любой деревне, убедил ее Валант. После чего она получила право прослушать сотни раз затверженную речь искренне заинтересованного и гордящегося своей деревней «господина мэра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.